

ХОД РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ЕГО ТРЕХ СИЛОВЫХ ПОТОКАХ

СВЯЗЬ ЛЮЦИФЕРИЧЕСКО-АРИМАНИЧЕСКОГО ИМПУЛЬСА С ИМПУЛЬСОМ ХРИСТА-ЯГВЕ

6 лекций в Дорнахе в октябре 1918 г.

**Перевод с английского перевода, уточненный в наиболее важных
местах по немецкому оригиналу**

Из библиотечного № 184.

<http://www.anthroposophy.ru/index.php?go=Files&in=view&id=34>

Первая Лекция

4 октября 1918 г., Дорнах.

Сегодня и в ближайшие дни я хотел бы извлечь из наших предыдущих наблюдений некоторые заключения о самой человеческой жизни. Я сначала упомяну некоторые мысли, направленные извне против Антропософии, а затем покажу, как в отношении этих мыслей мы должны держаться и подчеркивать определенные воззрения.

В жизни природы, в естественном порядке, каждый сегодня признает — конечно, в терминах естественного порядка — те же самые вещи, которые мы хотим установить при помощи духовной науки в духовной жизни, в духовном порядке. Антропософская точка зрения будет неправильно интерпретироваться, если духовная наука будет проникаться любым видом старых ошибок или мистических идей, граничащих с суевериями. Мы должны приучать себя употреблять такие термины, как люциферический, ариманический, хорошо нам теперь знакомые, в духовной области так же, но, конечно, на более высоком уровне, как ученый естествоиспытатель говорит о положительном и отрицательном электричестве, положительном и отрицательном магнетизме и т.п. Однако, в противопоставлении предрассудкам современной естественной науки, нам должно быть ясно, что как только мы поднимаемся к рассмотрению духовного порядка мира, те концепции, которые в

естественных науках имеют определенное и крайне абстрактное содержание, должны быть усвоены в более конкретном и духовном смысле.

Мы теперь знаем, что существо человека, поскольку оно предстает нам прежде всего в жизни между рождением и смертью, представляет для нас то, что мы привыкли называть физическим телом, сверх того то, что мы называем эфирным телом, или что я попытался бы назвать, чтобы получить до известной степени более прямое выражение, телом образующих сил (*Bildetröfteleib*), затем то, что уже обладает сознательным характером, что мы привыкли называть астральным телом, что, однако, не обладает еще тем сознательным характером, который пронизывает наше теперешнее (*uns Zunachstshendes*) сознание. То, что мы по обычаю многих людей называем сегодня **подсознанием**, это принадлежит астральному телу. Затем то, что мы обозначаем как наше обыденное сознание, которое колеблется между состоянием сна и бодрствованием, которое посылает в состояние сна лишь хаотические сновидения, которое в бодрственных состояниях не довольствуется зрительными восприятиями, но находит себе приют в суждениях и понятиях, которые являются абстрактными, — все это мы обозначаем как тот член человеческой сущности, который мы именуем “Я”. Лишь в этом последнем члене человеческой сущности, в собственном “Я” распознает, можно было бы сказать, себя человек нашего времени. Это “Я” отражается ему его сознанием. Это “Я” есть то самое, в чем, собственно, разыгрывается все мышление, чувство и воление души. Все прочее — астральное тело, эфирное тело и физическое тело в его истинном виде (*Gestalt*) — лежит под сознанием, а также под “Я”. Так же и все, что говорится о физическом теле в обычной науке, в анатомии, физиологии и т.д., относится только к его внешнему аспекту — к той части его, которая входит в наше сознание тем же путем, как и внешние предметы, которые мы воспринимаем. То, что мы сознательно видим и ощущаем, — это внешняя картина физического тела, но не физическое тело само.

Таким образом, три члена человеческого существа, которые в

соответствии с их эволюцией мы называем **доземными** — вы знаете об этой эволюции из моего «Тайноведения», — эти три тела лежат за пределами области нормального человеческого сознания. Далее вы знаете, что в отношении к духовному порядку мы говорим о сущностях, которые, как члены различных Иерархий, стоят выше человека, так же, как ниже его стоят три царства природы — животное, растительное и минеральное царства. Как только мы начинаем рассматривать человека в духовном смысле, мы не можем более говорить о нем как о содержащем только астральное, эфирное и физическое тела, о которых обычная наука, и даже Антропософия, говорят, что они связаны только с человеческой жизнью в чувственно воспринимающемся мире. Поэтому в наших прежних занятиях я упоминал, что если мы рассматриваем эти три низшие члена человеческой природы (назовем их так), какими они в действительности являются, мы найдем, что с ними тесно связаны Духи индивидуальных Иерархий.

В смысле моих предыдущих замечаний о концепциях Вселенной Гете мы можем сказать: поскольку посредством этих трех членов человек развивается в ходе жизни, поскольку посредством них он проходит через эволюцию, открытую для него между рождением и смертью, он связан с некими духовными силами, лежащими в основе этой эволюции. Я постарался сделать это вам понятным, сказав:

Если мы посмотрим на это (см. рис.) как на представляющее современное человеческое существо, мы должны думать о нем как о связанном прошлым своего развития с духовными Силами, которые мы признаем принадлежащими высшим Иерархиям. Как вы знаете, в обычном человеке эти духовные Силы, за исключением Духов Формы (Ексузиаи), не работают непосредственно внутри его “Я”. Таким образом, исключая Духов Формы, которые наделяют человека его подлинной формой, остальные духовные Силы не работают в его настоящем

сознании.

Мы можем получить некоторое представление о Духах Формы — очень слабое представление, но до некоторой степени относящееся к данному объекту, — если мы посмотрим на тот аспект телесной человеческой формы, которую он принимает в течение самого раннего периода физической жизни. Мы все рождаемся как более или менее ползающие существа, не имеющие сил стоять вертикально. Но очень многое во всем существе человека связано с его вертикальным положением, или, вернее, с силами, которые делают это положение истинным для него. И когда мы рассматриваем чисто внешние черты, которые отличают человека от животных, мы должны обращать внимание на обычно рассматриваемые вещи — кости, мускулы и тому подобное, которые в основном тождественны для человека и животного; мы должны сосредоточить наше внимание на силе вертикальности, которая дает растущему человеческому существу его форму. Это только часть различия, но очень важная часть. Эта сила **вертикальности**, которая вмешивается в наше физическое развитие, той же природы, что и силы, которые даруют земному человеку его форму, и это единственные силы, которые проникают в наше “Я”.

Но есть ведь также и силы космического движения, космической мудрости, космической воли — Силы, Господства, Престолы, если употребляя эти древние имена, мы приблизим их к современному духу. Эти силы вмешиваются в несознательные части человеческого существа, принадлежащие к его астральному телу, телу формообразующих сил, или эфирному телу, и физическому телу. Поэтому, когда эти части человеческой природы рассматриваются без их духовного содержания, на которое я указал, мы имеем дело с чистой иллюзией, чистым фантомом. И действительно, мы не можем быть найдены в нашем внешнем облике; наше истинное существо скрывается в вышеупомянутых духовных силах.

Далее, как я уже говорил в связи с Гетевской концепцией Вселенной, существуют силы, которые временно работают над человеком, не будучи прямо вовлечены в его эволюцию. Эти две силы мы называем люциферическими и ариманическими. Люциферические работают более духовно (см. красный поток на рис.), ариманические главным образом работают в подсознании (лиловый поток на рис.).

Таким образом, мы имеем тройственное космическое вмешательство в человеческую жизнь. Мы можем сказать: в человеческой природе имеются некоторые духовные силы, прямо связанные с ходом его эволюции. И имеются также два других вида сил — люциферические и ариманические, не связанные прямо с его эволюцией; они работают над ним некоторое время и являются, таким образом, добавлением к присущей ему конституции.

Рассмотрим теперь жизнь. Когда мы рассматриваем жизнь, мы видим не только поток сил, фактически принадлежащих нам; мы всегда видим нечто, притекающее вместе от всех трех потоков. Когда мы наблюдаем внешний мир чувств, или историческую жизнь человека, взятую в ее ходе между удовольствием и болью, между радостью и горем, действием и бездействием, мы видим ее таким путем, что все три потока вливаются один в другой. В обычной жизни мы не занимаемся тем, что делает, например, химик, когда он, вместо того, чтобы предоставить воде быть просто жидкостью, которой она кажется, анализирует ее и разделяет на водород и кислород. **Духовная наука должна заниматься таким анализом.** Духовная наука должна вдаваться в духовную химию, иначе не будет возможно понять человеческую жизнь.

Мы описывали с различных точек зрения специальные характеристики типов существ, которых мы называем люциферическими, и типов существ, которых мы называем ариманическими. Наша задача теперь — вникнуть в эти вещи еще с одной точки зрения так, чтобы связать их непосредственно с человеческой жизнью. Где в человеческой жизни имеется место, в котором люциферические силы приобретают особое влияние, и где то место, где проявляется особое влияние ариманических сил?

Если человек сможет отдаться спокойному развитию, присущему его подлинному существу (вы знаете из наших прежних занятий, что в таком случае он будет в состоянии достичь самопознания только во второй половине жизни), он не будет подвержен периодическим вмешательствам люциферических и ариманических сил. Однако в действительной жизни, если мы должны ее прожить, человек периодически подвергается вмешательству этих сил — да, он должен считаться и с люциферическим, и с ариманическим. Во всем, что принадлежит к сфере сознания человека, во всем стремлении его к сознательности, но не при помощи природы, а идя наперекор ей (мы идем, например, против природы, когда достигаем самопознания в первой половине жизни), — во всем, к чему он стремится путем сознательности, лежит нечто, что мы можем описать как **сверхсознательное**. Без этого элемента сверхсознания наше сознание оказалось бы совершенно иным. Это именно сверхсознание позволяет человеку внести в историческую жизнь больше, чем он мог бы это сделать, если бы зависел исключительно от своего физического развития. При современном положении дел в человеческой эволюции мы имели бы совершенно иную форму культуры, если бы не влилось сверхсознание. Однако вместе с этим сверхсознанием была дана окончательная возможность для доступа люциферическим силам.

Мы должны правильно распознать, как эти силы действуют в человеческом сознании. Без них человек никогда не был бы стимулирован к развитию формы мышления, отличной от той, которую я описал вам ранее как идеал Гетевской концепции Вселенной. С помощью люциферических сил человек формирует гипотезы, строит имагинативные образы, которые превосходят действительность. Человек не просто схватывает действительность; к своему сознанию он присоединяет сверхсознание. Он формирует всевозможные виды идей относительно реальности — идей, которые помогают ему теснее сблизиться с реальностью, чем он мог это сделать иначе. А если мы обратим свой взор ко всей области искусства, где сверхсознание играет столь большую роль, мы должны подчеркнуть, что если искусство не хочет скатиться просто в

натурализм, в него должна быть внесена высочайшая степень люциферической деятельности. Бесполезно говорить — я подчеркивал это множество раз, — что человек не должен допускать люциферическое в свою жизнь. Если он сделает это, он будет не в состоянии вести истинную жизнь, он станет архифилистером. **Именно люциферическая деятельность, как дрожжи, спасает его все снова и снова — прищипывает его в борьбе с филистерством.**

Однако эта же люциферическая деятельность является в то же время причиной тенденции людей смотреть на мир как бы с высоты птичьего полета. Все, что возникает в ходе истории в виде замечательных программ, изумительно прекрасных идей, при помощи которых, как всегда, верилось, что можно тем или иным путем вернуться в Золотой Век, — в основе всего этого лежат люциферические тенденции, которые струятся в человека. Все, при помощи чего он старается ослабить свои связи с реальностью, воспарить над своими истинными обстоятельствами, — все это указывает на люциферическое. То же относится к импульсу, который тяготеет к уменьшению нашего **интереса к ближнему**. Если бы мы следовали нашей истинной природе в согласии с эволюционными силами, которые поистине принадлежат нам, мы чувствовали бы к своим ближним интерес, далеко превосходящий обычные пределы. **Люциферический элемент в нашей природе вызывает некоторое отсутствие интереса к другим людям.** И если мы изучаем истинную сущность человека, мы должны придать особое значение следующему пункту — что многое в мире было бы совершенно иным, если бы мы признали истинность нашего стремления относительно исключительного интереса к нашим собственным вымыслам и очень слабого интереса к тому, что другие люди думают, чувствуют и хотят. Правильное познание человека достигается только тогда, если мы проникаемся в нашем приближении к нему вопросом: «Что побуждает меня терять интерес к другим людям?» Развитие такого познания человека должно стать задачей будущего человеческой культуры. Сегодняшнее знание человека очень часто состоит в том, что говорят

относительно людей в соответствии с собственными идеями о том, каковы они есть или должны быть. Принимая людей такими, какие они есть, и ясно понимая, что каждый, будучи таков, как он есть, даже преступник — мы должны допускать и это, — говорит нам более важные вещи о мире, чем те личные фантазии, которые мы можем иметь относительно существа человека, как бы красивы они ни были. Сказать себе это — значит создать себе противоядие против люциферического элемента в нас.

Стремление постичь познание человека таким путем раскроет огромные возможности. А подлинный интерес к истинной природе человека никогда не был так далек, как в наши дни. Однако то, что имеется здесь в виду, никак не следует смешивать с отсутствием критического отношения к человеческим чувствам. Каждый, кто выступает с идеей, что всех людей следует рассматривать как равно хороших и относиться к ним с одинаковой любовью, поступает в этом вопросе весьма удобным люциферическим путем, так как все это — чистая фантазия. Эта **точка зрения, рассматривающая всех людей как равных, является сущей люциферической фантазией**; дело вовсе не в том, чтобы лелеять общую идею, но в том, чтобы проникнуть в истинный характер каждого индивидуального человека и развить в отношении его любящее — а может быть, лучше заинтересованное — понимание.

Вы можете спросить теперь: к чему же тогда, собственно, призвана в нас вся эта люциферическая сила, если она удерживает нас от исполненной мудрым смыслом терпимости и развития интереса к природе человека? Она получает свое оправдание, заведая духом, если можно воспользоваться филистерским выражением. Эта люциферическая сила должна присутствовать в нас уже и потому, что мы — если бы мы пребывали лишь в непрерывном потоке и развивали бы, в соответствии с природой и духом, склонность к познанию всякого человека, — мы бы тогда, — простите сильное выражение, — утонули в нашем знании людей. Мы бы утонули, мы бы не смогли правильным образом прийти к самим

себе. Это как раз связано со многими тайнами бытия: в этом бытии нет, в сущности, ничего, что будучи последовательно проведено, проведено последовательно, вплоть до своих крайних проявлений, не стало бы злом, несчастьем. То, что столь правомерно сближает нас с людьми, что позволяет нам обретать других людей в самих себе, одно это способствовало бы тому, что мы утопали бы в нашем знании людей, если бы здесь не присутствовало бы постоянно люциферическое жало, которое все снова и снова удаляет нас от возможности утонуть, которое все снова и снова поднимает нас на поверхность и приводит к самим себе и пробуждает интерес к самим себе. Именно в наших отношениях с людьми мы живем в игре постоянных колебаний между нашей прирожденной силой и люциферической силой. И тот, кто скажет, что разумнее было бы, если бы люди следовали лишь их прирожденной силе и вовсе бы не затрагивались люциферическим, тот должен утверждать также, что если у него есть весы с двумя коромыслами и чашами, он предпочел бы отказаться от одной чаши и взвешивал бы лишь с другой, то есть одной чашей. Жизнь протекает именно в состояниях уравнивания, а не абсолютных средних (*dinglichen*) отношениях. Это есть то, что прежде всего можно сказать о люциферическом внедрении (*Einschlag*) в отношении человеческой жизни. Оно захватывает сознание, но так, что примешивает сверхсознание к сознанию.

Ариманическое внедрение (*Einschlag*) захватывает в человеческой жизни прежде всего главным образом подсознание. Во все то, что является подсознательными, часто столь рафинированными побуждениями человеческой природы, вмешиваются ариманические силы. Если мы захотим охарактеризовать Аримана и Люцифера, я бы сказал, лично, то можно сказать: Люцифер — высокомерный дух, который любит воспарять на высоту птичьего полета и многое обозревать оттуда; Ариман — морально более одинокий дух, который не легко дает увидеть себя, который действует своим существом в подсознании человека, действует на подсознание человека, колдовски переносит суждения вверх (*heraufzaubert*) из этого подсознания. Люди думают тогда, что они судят,

исходя из своего сознания, тогда как они часто колдовски переносят суждения наверх из их подсознательных побуждений или из их утонченных подсознательных импульсов, или также позволяют колдовски переносить наверх именно посредством ариманических сил.

Религиозные описания, как мы знаем, проистекают из старых концепций, которые теперь принимаются духовной наукой. И Петр не был так уж неправ, называя Аримана «рыкающим львом, ищущим, кого поглотить». И Ариман действительно бродит, крадучись, в скрытых частях человеческой природы, в его подсознании: он стремится достичь своей земной цели, отвлекая на себя силы человеческого подсознания, чтобы духовно достичь иного конца мировой эволюции, чем тот, который лежит в прямом человеческом течении.

Там, где дело касается исторической жизни, люциферические силы всегда ведут нас к вынашиванию широких мировых замыслов, которым не удается считаться с природой человека. Какое великое количество идей в ходе развития человеческого мышления изобреталось, чтобы сделать мир счастливым! И в твердом убеждении тех, кто изобретал их, мир мог стать счастливым только посредством именно их специальных идей. Все это благодаря пустому, воздушному виду люциферического мышления, стремящегося в высоту, не принимающего во внимание того, что кишит вокруг, внизу, и верящего, что мир может быть организован в соответствии с этими пустыми проектами. **Подобные идеи о том, как сделать мир счастливым, всегда опирающиеся на недостаточное и неправильное познание человека, — люциферической природы; мечты же о мировом могуществе, основывающиеся на отдельных областях человеческой деятельности, — ариманического характера.** Так как эти мечты развиваются из нашего подсознания. Взять определенную область человеческой деятельности и стремиться подчинить весь мир под ее эгидой — значит поступать ариманически. Все, что связано с человеческим вожделением к господству над своими ближними, все, что идет вразрез со здоровыми общественными импульсами, — все это

ариманической природы. Человек, о котором можно сказать, что он одержим Люцифером — не в суеверном, но в обычном нашем смысле, — теряет всякий интерес к своим ближним. Человек, одержимый Ариманом, стремится иметь как можно больше людей в своей власти, а затем действовать так — если он умен, — чтобы господствовать над ними, пользуясь человеческой неустойчивостью. ***Это по-ариманически — разыскивать в подсознании человеческие слабости как средство господства над людьми.***

Теперь мы можем спросить: «Откуда все это пришло?» Так как больше всего может интересовать нас вопрос: «Откуда все это пришло?» Мы должны спросить: «Какова природа ариманических и люциферических сил в их истинной сущности?» Мы знаем, что наша Земля — применяя Гетевское выражение — является преобразованием предыдущих космических миров, четвертое преобразование. И чтобы иметь имена для этих миров, мы говорили: «Земля впервые была воплощена в Сатурне, затем — в Солнце, затем — в Луне, а теперь она воплощена в Земле». Таким образом, мы знаем, что эта Земля является четвертым воплощением космической сущности, четвертым преобразованием; и она будет проходить дальнейшие преобразования. Мы должны иметь это в виду, если собираемся спросить: «Какое значение имеют силы люциферических и ариманических сущностей во всей космической системе, охватывающей человека?» Мы знаем, что с формированием, предпринятым в части Космоса, наиболее близко касающимся нас — нашей Землей, — связаны Духи Формы. И если мы исследуем специальные характеристические черты формообразования Земли, мы найдем — как я говорил раньше, — что они идентичны, хотя и в ограниченной степени, с тем, каким путем мы преодолеваем тяжесть при помощи нашей собственной силы стоять вертикально. Эти Духи Формы являются, в некотором смысле, правящими силами земного существования — в настоящем преобразовании нашей планеты. Однако, как мы знаем, эти Духи Формы действуют через других Духов, которых мы называем Архаи, Архангелы, Ангелы, употребляя старые их имена в современном значении.

В отношении этих сущностей мы заинтересованы главным образом в Архаях, Первосилах, Первоначалах. Мы знаем, что в рядах Духовных Иерархий Духи Формы стоят непосредственно над Архаями. Отсюда мы найдем, что в ходе подлинной человеческой эволюции силы Архаев до некоторой степени служат Духам Формы. В существе человека, таким образом, действуют Архаи и Эксузиаи — Духи, которых мы также называем Первосилы, и те, которых мы называем Духами Формы. **Кроме того, имеются также Духи Формы, принявшие облик Архаев.** Они могут быть Эксузиаи, но действуют они только как Архаи; они приняли на себя эту роль. Мы открываем этим важный факт — как духовные сущности могут принимать на себя роль, которая отличается от истинной стадии их собственной эволюции.

Это имеет вполне определенное значение. Земные формы могут быть также зависимы от этих Первосил, которые в действительности являются Духами Формы, как и от обычных Духов Формы. Но важным является то, что все в нашем земном существовании, что связано с **пространством** посредством образования форм в пространстве, само образовано из внепространственного. Мы познаем пространство, только если мы проследим его назад в его природе к первообразам, находящимся вне пространства. Одной из трудностей для западного мышления, естественно, является то, что оно с трудом может представить себе беспространственное. Однако это — истина, что все, связанное с нашим исконным человеческим, все, проистекающее от Духов Формы, когда оно принимает форму в пространстве, является следствием бесконечного. Говоря конкретно, когда мы, как индивидуальное человеческое существо, которое сначала ползало на четвереньках, учимся стоять прямо и таким образом преодолеваем тяжесть в нашем вертикальном положении, мы помещаем себя в пространстве. Но сила, которая в основном ответственна за это, прокладывает себе путь в пространство из бесконечности.

Поэтому, так как мы как люди подвластны только Духам Формы, присущим нам, мы должны любым путем помещать себя в пространстве, привлекать бесконечное к реализации в пространстве, так как Духи

Формы не живут в пространстве. Каждый, кто ищет Божественное в пространстве, не найдет его ... — это ясно без слов. **Все, что возникает как форма в пространстве, является осуществлением бесконечного.**

Те сущности, которые являются Духами Формы, но действуют как Архаи, как Первосилы, должны в соответствии со своей основной природой принадлежать к бесконечному. Но они входят в пространство, работают в пространстве. **А это характерно для ариманического — для тех духовных сущностей, которые своей истинной природой предназначены к бесконечности, но предпочитают работать в пространстве. Это дает возможность возникать в пространственных условиях формам, которые не излучаются непосредственно из бесконечности. Так пространственное отражается в пространственном, так одна пространственная форма отражается в другой.**

Быть может, я должен указать конкретный пример. Мы, люди, все отличаемся друг от друга, так как мы помещены сюда из бесконечности. Наши прототипы находятся в бесконечности. Все отлично одно от другого. Вы слышали знаменитую историю о том, как по подстрекательству Лейбница одна принцесса - так как иногда принцессам нечего больше делать — обыскала целый сад в поисках двух абсолютно одинаковых листьев и не нашла их, так как не существует двух идентичных листьев. Мы также являемся формами, созданными в бесконечности, поскольку мы не исходим друг от друга. Но, с другой стороны, мы все подобны, в особенности когда мы кровные родственники. Мы схожи друг с другом, потому что имеются духовные сущности, которые формируют в пространственном в соответствии с пространственным, а не просто в пространственном в соответствии с бесконечным. **Мы походим друг на друга, потому что мы пронизаны ариманическими силами.** Это должно быть признано или мы будем просто яростно нападать на ариманические и люциферические силы без всякого желания понять их.

Этот пример ясно иллюстрирует, как Ариман действует в нашей жизни.

Коль скоро вы осмеливаетесь сказать себе: «В соответствии с моей формой я индивидуальный человек, отличный от других», — вы находитесь на прямой дороге эволюции. И если бы это было единственным веским фактором в мире, если бы не было ариманических боковых течений, ни одна мать не была бы в состоянии радоваться тому, что ее маленькая дочка так удивительно похожа на нее, так как ей пришло бы в голову, что каждое индивидуальное человеческое существо является пространственным изображением чего-то вне пространства, что ничто пространственное не может быть точной копией никакого пространственного. Вхождение в пространство некоторых Духов Формы дает ариманическому его благоприятные возможности. Естественно, этот ариманический элемент не ограничивается подобием среди человеческих существ — он простирается на многие другие вещи, мы просто привели один из примеров.

Теперь я прошу вас вспомнить то, что я добавил — не для вашего успокоения, но потому, что это возникает из нашего предмета — после того, как сказал вам, что человек в действительности делается способным к самопознанию только во второй половине своей жизни. Я сказал: «Поскольку наша жизнь протекает во времени, и если ничто иное не действует на нас, мы можем действительно прийти к самопознанию только во второй половине жизни. Но, — сказал я в то же время, — люциферические силы работают в нас в первой половине жизни и вызывают самопознание, которое не является результатом нашей первоначальной человеческой природы». Как контраст к человеческой жизни, какой она была бы, если бы следовала бы своему первоначальному характеру, я поставил перед вами то, что я назвал областью **пребывающего** (*Dauer*). В отношении всего, что относится к нашей первоначальной человеческой природе, в пятьдесят мы совершенно отличные особы от того, чем мы были в двадцать; мы развиваемся. В отношении всего того, в чем мы не развиваемся, мы принадлежим не к нашей телесной природе, но к области души и духа и связаны с областью пребывающего, той областью, в которой время не играет никакой роли.

Так же, как непространственное лежит в основе всего пространственного, так в основе всего временного лежит пребывающее.

Мы были бы совершенно иными людьми, если бы не были связаны с областью пребывающего. Как я недавно говорил, мы до известной степени пробуждаемся от некоторых грез только в 28-29 лет. Мы живем, однако, в области пребывающего и наша дремота в первой половине нашей жизни и ужасная рассудительность во второй половине выравниваются посредством царства пребывающего.

К этому царству пребывающего принадлежат все духовные сущностные силы высших Иерархий, которые нам известны, за единственным исключением Духов Формы. Они действуют в области временного развития. Но, живя пространственно-беспространственно, проводя свою жизнь до известной степени между беспространственностью и пространственностью, они создают в пространстве формы, исходя из беспространственного. Это подлежит временному процессу, их жизнь разыгрывается во времени. Другие же сущности, которые в иерархическом распорядке располагаются выше Духов Формы, суть сущности, принадлежащие одному пребывающему. Говорить о них как о временных сущностях можно лишь в порядке сравнения; если же мыслить это согласно действительности, то это будет бессмыслицей. Об этих вещах трудно говорить именно по той простой причине, что в настоящий момент развития слишком мало людей обладают живым ощущением понятий и идей, которые развиваешь, выйдя за пределы пространства и времени. Большинство людей нынче объявят беспространственное вообще лишь фантазией, точно так же, как вневременное, пребывающее, непреходящее, а также и неизменное.

Итак, над сущностями порядка Эксузиан есть только сущности, которые принадлежат царству пребывающего. Но среди них есть такие, которые маскируются под существ, обитающих во времени, которые входят во время так же точно, как другие существа — ариманические, которые я характеризовал — входят в пространство, имеются сущности, которые входят во время. Это люциферические сущности, сущности, которые

принадлежат в распорядке Иерархий к Духам Мудрости, но действуют как Духи Формы, поскольку они действуют во времени. И то, что иначе действовало бы в жизни в душах людей вне времени, вносится посредством этих духов во время. Отсюда происходит то, что, например, известные вещи, которые могли бы всегда быть при нас, если бы мы могли следовать лишь царству пребывающего, также подпадают времени, например, могут быть забыты нами или могут помниться лучше или хуже, и тому подобное, что связано ведь лишь с нашей телесно-душевной природой, а не с нашей духовно-душевной природой, — воспоминание, память.

Итак, **духи Пребывающего, которые маскируются под духов времени, суть люциферические силы;** сущности, сущностные силы в космическом распорядке, собственно, весьма высокой природы, более высокие силы, чем те, о которых многие пасторы, сколь бы теологически образованными они ни считали себя, ведут речь, когда они говорят о Божестве. В действительности же то, о чем говорят пасторы, гораздо более малые силы, как мы упоминали уже также и здесь.

Эти люциферические сущности в состоянии перемещать во время то, что иначе казалось бы нашему человеческому восприятию как чисто духовное и вневременное, — они придают этому видимость протекающего в потоке времени. И эта временная видимость, сообщенная некоторым явлениям в нас самих, является единственной причиной, по которой люди утверждают, что их духовная деятельность имеет материальное происхождение. Если бы мы не были пронизаны в наших душах люциферическими сущностями, наша духовная деятельность являлась бы нам приходящей прямо из духовного. Мы никогда бы не вообразили, что духовная деятельность может зависеть от материального. Мы должны видеть правильность образа, который я часто привожу, — тот, кто верит, что духовная деятельность возникает из материального, подобен тому человеку, который, подходя к зеркалу, думает, что изображение возникает от существа позади него. Безусловно, изображение зависит от того, как сконструировано зеркало, и наше мышление также зависит от нашей

телесной природы. Однако тело делает не больше того, что делает зеркало; если люциферическая видимость будет отсутствовать, зеркало прямо покажет человеческому восприятию, что духовной деятельности материальным придается просто форма. Но поскольку Люцифер вовлечен в наше сверхсознание, он вызывает видимость, которая водит нас за нос так же, как если бы мы подошли к зеркалу и начали разбивать его, чтобы найти, кто позади него ухитрился им завладеть.

Иллюзия, что духовное может возникать из материального, в сущности люциферическая иллюзия, и можно сказать: тот, кто утверждает, что духовное — это продукт материального, в действительности заявляет — хотя может и не говорить этого, — что Люцифер — его бог. Утверждение, что духовное происходит из материального, равносильно тому, чтобы говорить, что отражение производится зеркалом, как будто имеется существо, спрятанное позади зеркала ... — это утверждение, что материальное производит духовное, духовное в человеке, идентично объявлению, хотя бы и не на словах: Люцифер есть бог.

Теперь мы должны искать познания противоположного полюса. Люциферическим искажением является то, что зеркало, материальное, само испускает духовную форму. Противоположным же полюсом является иллюзия, также существующая среди людей, что содержание физического мира чувств имеет власть действовать на внутреннюю сущность человека. Если бы не было ариманической иллюзии, которая возникает посредством сил, входящих в пространство из бесконечности, человек был бы в состоянии постичь, что никакое влияние не может быть осуществлено на его внутреннюю сущность силами, опирающимися на материальное. Утверждение, что в материальном имеются силы, энергии, способные затем действовать в человеке, — это полностью ариманическое утверждение; кто делает его, тот даже без слов объявляет Аримана своим богом.

Тем не менее, человек колеблется между этими двумя иллюзиями, человек колеблется между одной иллюзией, которая все снова и снова обманывает его, что образы исходят из зеркала в виде существа, как будто

материя может порождать духовную деятельность. Другая иллюзия та, что во внешне видимом бытии заключены энергии, которые в некотором сочетании могут вести к человеческой деятельности. Одно — это люциферическая, другое — ариманическая иллюзия.

Характерным для современности является то, что она не имеет склонности входить в духовное тем же путем, как она входит в естественный порядок. Безусловно, легче говорить о духе с точки зрения туманного мистицизма или в терминах абстрактных идей, чем войти конкретно в духовные процессы и духовные импульсы истинно научным путем, как это делается в случае самой природы. Мы живем в такой век, когда человек должен сознательно уяснить себе, что действует в его душе.

Нам известны причины, почему истекло время, когда человек мог находить в подсознании импульсы, которые направляли его дальше; ныне человек должен начать сознательное вхождение в то поле, где живет именно его душевное, и это душевное вырабатывает сознательность.

Таким образом, мы в состоянии сказать, что если бы человек следовал в своей эволюции своей первоначальной природе и добрым духовным силам Вселенной, он был бы совершенно отличным от того существа, каким он является сегодня, когда он следует вековому развитию в союзе с люциферическими и ариманическими силами, действующими на него во времени.

Теперь встает вопрос: «Как устанавливается состояние равновесия между этими тремя силами?» Чтобы установить это состояние равновесия или, по крайней мере, познать, как оно может быть достигнуто, мы должны взглянуть на следующее.

Внешняя наука вполне довольствуется в некоторых областях суждениями в соответствии со следующим принципом: нож имеет нечто общее с едой, поэтому можно взять из бритвенного прибора бритву и резать ею пищу. Вот каким образом в наше время формируются многие суждения в естествознании — например, относительно смерти. Современное естествознание со своими готовыми идеями относительно феномена смерти не идет дальше, чем называть его прекращением бытия

организма. Это удобно, потому что тогда — как и делается в наши дни нелепейшим образом так называемыми учеными — мы можем говорить о смерти растения, смерти животного и человеческой смерти в одном и том же смысле. Но это в действительности не что иное, как если бы говорили о ноже и относили в одну категорию столовый нож и бритву. В действительности то, что может быть названо смертью, есть нечто иное у растения, нечто иное у животного, нечто иное у человека. Обобщают лишь потому, что у всех троих видно прекращение органических функций.

Когда мы изучаем человеческую смерть — а мы часто говорим об этом, — мы найдем, что ее можно считать в известном смысле противоядием против люциферических сил. Смерть, как вы знаете, вовсе не единовременный феномен, так как человек начинает умирать с момента, когда он рождается. Импульсы смерти уже заложены в нем, и смерть сама приходит в определенной точке времени. Все, что путем импульсов ведет к смерти, в то же время является силой, которая воздвигает противоядие люциферическим силам. Так как **посредством смерти человек выходит за пределы временного в область пребывающего.**

Мы знаем теперь, что люциферические силы имеют прямо-таки внутри их существа то, что они принадлежат, в сущности, царству пребывающего и вносят в область времени то, что они должны были совершать в царстве пребывающего. Это не уравновешивалось бы, если бы в область времени не была включена смерть, которая вновь выводит человека из области времени в царство пребывающего. Смерть — выравнитель люциферического. **Люциферическое вносит пребывающее во время; смерть выносит время в пребывающее.** Таковы эти вещи, выраженные абстрактно, но в этой абстракции лежит как раз огромное количество конкретного.

А что мы должны сказать об Аримане? Он делает схожее сходным. Я приводил вам конкретный случай сходства в человеческой природе, связанный с ариманическим. Этому сходству, ему точно так же должен будет — или должен быть (говорить нужно, естественно, не

теологически) — итак, «должен быть» создан противовес. Тут должен быть этот противовес, который действует, в сущности, против сходства. Но только, как это ни странно, сходство часто сводят к противовесу путем одного из путаных понятий, которые появляются, когда не вникают в более глубокие связи. Противовесом сходства является сила наследственности (*Vererbungskraft*): мы не только похожи формой (*in der Form*), которая ведет к нашему облику (*gestaltung*), но мы несем в себе внутренние силы наследственности. Посредством этих сил наследственности, которые мы несем в себе, мы, в сущности, противодействуем сходству форм. Только путаная наука соединяет сходство с наследственностью. Мы выглядим похожими на наших родителей, но одновременно мы получаем от наших родителей сонаследованными в нашем внутреннем человеке определенные силы, которые стремятся к тому, чтобы снова вернуть нас к первоначальному облику человека. В сущности, то, что мы получаем унаследованным, находится в борьбе со сходством. Более тонкое наблюдение человеческой жизни, даже без сверхчувственного наблюдения, может прийти уже к этому полностью посредством внешнего наблюдения. Попробуйте лишь правильным образом задать жизни вопросы, попробуйте лишь понаблюдать людей, которые теми или иными особенностями облика особенно схожи со своими родителями, дедами и бабушками и т.д., а затем посмотрите на унаследованные моральные импульсы — вы увидите тогда, что унаследованные моральные импульсы, как правило, действуют противоположно сходным образованиям облика.

Если вы посмотрите на портреты отмеченных историей выдающихся личностей, портреты, которые являют облик этих последних сходным с обликом предков, вы увидите всюду, что в то же самое время в биографии отмечены душевные черты — и они именно унаследованные черты, — которые оказывают сопротивление тем, от кого пришло это сходство форм. Это одна из значительных тайн жизни. Предки поймут своих потомков, а родители детей гораздо лучше, если они смогут посмотреть этому факту в лицо без всякого предубеждения. Если, например, у матери есть

маленький сын, очень похожий на нее, ей это может быть приятно; но когда придет время для его учения, ей будет полезно сказать себе: «Что случится, если в моем сыне разовьются такие качества, которые будут похожи на те мои качества, которые вызывают ссоры между мной и моим мужем?» Такие конкретные импульсы имеют огромную важность в жизни и должны быть отмечаемы. Знать о них особенно необходимо для задач воспитания, для эволюции человеческих существ в будущем.

Так как в будущем невозможно будет выводить наше обучение из абстрактных принципов, мы обязаны будем обучать на эмпирической конкретной основе. А мы не сможем открыть этой конкретной эмпирической основы, если не будем изучать жизнь. Мы должны быть в состоянии читать книгу жизни, но для этого мы должны выучить ее азбуку. Как вы знаете, в ней содержится очень многое, но самое необходимое в азбуке, что будет достаточно знать для непосредственного будущего — это три буквы — нормальная эволюция, ариманическая эволюция и люциферическая. Как никто не может читать книгу, не зная основ азбуки, так никто, не знакомый с этими тремя буквами, не сможет читать — это именно те буквы, посредством которых учатся читать жизнь. Только нашим обучением чтению жизни может быть преодолен так широко распространившийся среди людей утопический дух. И люди тогда смогут начать обучение тем силам, которые действуют в жизни.

Естественно, кто-нибудь может сказать: «Вы говорите здесь о первоначальном существе человека, но его нигде нельзя найти». Это само собой разумеется, но как возражение оно не отличается от такого: «Вы говорили мне здесь, что в текущей в реке воде есть кислород и водород, но я ничего этого не вижу». Действительно, необходимо тщательно рассматривать эти вещи, главным образом — иметь правильную концепцию того, чем является форма. Я употреблял ранее одно сравнение, которое хотел бы теперь повторить.

Можно приехать в Кобленц, или в какое-нибудь другое место, даже в Базель, и восхищаться Рейном, даже почувствовать потребность сказать: «Этот Рейн, который течет перед нами, мы не знаем, как долго, может

быть века, возможно неисчислимое время. Как стар этот Рейн!» Какая же часть его действительно древняя? Вода, на которую вы смотрите, через несколько дней будет совсем в другом месте; она будет далеко отсюда; она, безусловно, не стара, так как несколько дней назад ее еще не было здесь, она была где-то в другом месте. То, что вы видите здесь, безусловно, не старо, и вы не имеете права называть это древностью столетий. И когда вы говорите о Рейне, вы, вероятно, не имеете в виду его ложе, канал, по которому течет его вода. В действительности вы имеете в виду нечто, что не присутствует перед вами. Когда вы говорите о реальности, вы не можете сослаться на то, что вы видите перед глазами, так как это сочетание сил, действующих в мире, и является просто состоянием равновесия. В каком бы направлении вы ни посмотрели, везде вы найдете состояние равновесия. Вы должны прокладывать себе дорогу к реальности. Только прокладывая дорогу к реальностям, возможно научиться азбуке жизни.

Завтра я буду говорить о связи между ариманическим и люциферическим импульсами и импульсом Христа-Яхве, чтобы вы могли увидеть, как в действительности импульс Христа-Яхве включается в эти потоки.

Вторая лекция

5 октября 1918 г., Дорнах.

По многочисленным указаниям и подробностям, которые я давал вам в отношении Таинства Христа, вы должны понимать разницу, существующую между тем, что наличествовало в общем ходе человеческой эволюции во время Мистерии Голгофы, и тем, что вошло в нее через посредство Мистерии Голгофы. Вы знаете, что в человеческой эволюции мы имеем дело с непрерывным потоком сил, проистекающих от

высших Иерархий, связанных с первоначальной природой человека, а также два дополнительных потока — люциферический поток и ариманический поток.

Очень важным было то, что люциферический и ариманический потоки достигли некоторой кульминации, кульминации полезности их работы в пределах человеческой эволюции, как раз во время Мистерии Голгофы, в момент, когда человечеству, если так можно выразиться, угрожала опасность превышения этой кульминации и, как следствие, потеря равновесия между люциферическими и ариманическими силами в целом человеческой эволюции. Если мы будем рассматривать эволюцию человечества как продвигающуюся по прямой линии (см. рис.), мы можем сказать: к ходу этой эволюции принадлежит Лемурийская эпоха (с нее мы начинаем), Атлантическая эпоха и наша — пятая эпоха, которую мы всегда называем Послеатлантической.

Если я изображу силу люциферического влияния красной линией, мы можем сказать: в Лемурийскую эпоху эта сила была в наличии, вначале она повышалась, затем несколько снижалась и совершенно исчезла в Атлантическую эпоху, чтобы снова возникнуть в Послеатлантическое время. Строго говоря, в Атлантическую эпоху (я имею в виду не эволюцию отдельных индивидуальностей, а человечество в целом) непосредственное влияние люциферических сил было весьма **слабым** (см. **красную** линию на рис.).

Вместо этого в Атлантическую эпоху было сильно развито ариманическое влияние, которое я изображаю **желтой** линией. Я должен показать его особенно сильным в Атлантическую эпоху и затем делающимся слабее в Послеатлантические времена. Я ссылаюсь на историческую эволюцию, и когда мы характеризуем что-либо этим путем, мы всегда должны обращать внимание на то, что я говорил раньше: **когда Люцифер работает особенно сильно, он притягивает Аримана в подсознание**. Поэтому, если в нашу пятую эпоху люциферическая кривая особенно заметна, это не должно означать, что благодаря активности Люцифера Ариман находится за пределами нашей сферы. Наоборот, это

означает, что, ***так как Люцифер интенсивно действует в силах истории, Ариман принимается деятельно работать в особенности в подсознательных областях человека.***

Вы видите, таким образом, что в земной эволюции человека ариманическая деятельность, как и люциферическая, может быть изображена волнистой линией. Эти степени ариманического и люциферического влияния должны быть уравновешены. Но в ходе истории такое состояние равновесия редко достигает совершенства. Бывают времена, когда люциферическое проявляется с особой силой, иногда так же действует ариманическое.

Если мы посмотрим на тот период человеческой эволюции, когда человечество приближалось к Мистерии Голгофы, мы найдем, что состояние равновесия между ариманическими и люциферическими силами было особенно неустойчивым и колеблющимся — практически никакого равновесия не было. С одной стороны, мы имели поток человечества, движущийся к Мистерии Голгофы и исторически проявляющийся в эволюции семитических народов. Этот поток был особенно чувствителен к люциферическому влиянию, в то время как сильная ариманическая деятельность была привнесена в подсознание.

С другой стороны, природа греков была особенно чувствительна к силам Аримана, и это вносило большую люциферическую активность в их подсознание. Мы можем полностью понять семитическую и греческую культуры — полярно противоположные одна другой, — только помня о колебаниях в человеческой эволюции ариманических и люциферических сил. В то время как Мистерия Голгофы входила в эволюцию Земли извне, влияние Греции было чрезвычайно важно для народов Запада. Однако это влияние уже начинало угасать, или, точнее говоря, прошло свой максимум. Греческой культуре грозил упадок, который можно охарактеризовать следующим образом. Именно через ариманическое

вмешательство, испытываемое греками и проявляющееся в люциферическом элементе их искусства, они развили очень высокую мудрость. И эта мудрость, как мы часто упоминали, приняла очень индивидуальный, человечески индивидуальный характер. На самых ее высотах все еще светили из первобытных времен учения, полученные от действенных духовных сущностей.

Мы знаем, что в те времена Учителя человечества были инспирированы и посвящены непосредственно из духовного мира. Только через них говорили духовные сущности; и если мы смотрим в эти отдаленные времена человеческой эволюции, в начало пятой эпохи, мы можем увидеть изумительную изначальную мудрость. Среди греков она была так высоко освещена в их концепциях и идеях, что таким образом она стремилась к самой природе человека. В древние времена она давалась Великими Посвященными более образным, имагинативным путем. Греки овладевали ею в идеях и концепциях и тем самым приносили ее к человеческой природе того времени. Что особенно восхищает в греках — это звучащее в философии **Платона** эхо изначальной мудрости, которую человечество, можно сказать, получало из уст богов¹. Но людям грозила потеря этой мудрости.

Когда мы обращаем взор назад, к периоду греческого духовного развития, который Ницше назвал «трагической эпохой», и смотрим на великие облики греческих философов — на **Анаксагора**, на **Гераклита**, — в них мы можем видеть последних носителей божественной мудрости, однако уже обращенной в идеи и концепции. **Фалес** был до некоторой степени первым, кто основывался исключительно на естественных концепциях; он уже отстоял на некотором расстоянии от прямого живого впечатления изначальной мудрости человечества, которую мы еще можем распознать у **Анаксагора**. Человечеству угрожала постепенная потеря этой мудрости. Но из этой изначальной мудрости расцвело нечто, что дало в древние

---

¹ Платона называли Моисеем, говорящим на Аттическом языке.

времена людям возможность достичь некоторого познания человека. Познание человека было тем, в чем грекам и всей изначальной мудрости суждено было увязнуть. Предполагалось, что мистерии дают познание человека; отсюда пришел афоризм: **«Познай самого себя!»** Однако это древнее познание человека служило связью с Люцифером, и люди действовали в нем с помощью ариманических сил. Оно было тесно связано с состоянием равновесия между ариманическими и люциферическими силами.

Теперь, ко времени, когда древний мир шел к упадку, когда, с другой стороны, приблизилась Мистерия Голгофы, для человечества наступил некоторый избыток ариманических сил. Ариманические силы были тогда особенно сильны. Ныне, начиная с XVI столетия, вновь имеет место нечто подобное, своего рода возвращение ариманических сил. Но в то время, когда наступила Мистерия Голгофы, именно ариманические силы были особенно сильны. Прочностью этих ариманических сил было вызвано именно то, что человеческая душевная жизнь подталкивалась к абстрактности, вплоть до той абстрактности, которая встречается нам в натуре римлян, насквозь абстрактной. Теперь мы должны спросить: «Что случилось бы с человечеством, если бы эволюция продолжала свой путь в этом направлении и не было бы Мистерии Голгофы?» Результатом было бы то, что человек не был бы в состоянии составить никакой концепции, никакой идеи, никакого восприятия самой человеческой личности.

Этот факт исключительного значения. Так как не было больше возможности сказать человеку о путях Богов, так как были потеряны даже традиции божественного источника мудрости, касающиеся человеческой личности, человеку угрожало делаться для себя все более и более загадкой. Мы должны почувствовать как можно полное значение этой истины — без Мистерии Голгофы перед человеком стояла угроза стать все более увеличивающейся загадкой для самого себя. Он овладел бы в дальнейшем мудростью, но только в отношении природы, не в отношении самого себя. И он постепенно забыл бы свое божественное происхождение, он должен был бы потерять всякое познание о нем.

И тогда наступила Мистерия Голгофы. Среди различных точек зрения, с которых Мистерия Голгофы может быть охарактеризована, именно эта должна быть специально рассмотрена — что через пришествие Мистерии Голгофы человеку с духовных высот, которые не были более доступны ему на Земле, была дана возрожденная возможность постижения себя как личности. Христов импульс принес людям возможность еще раз овладеть своими личностями, но теперь уже из их внутренних сил.

Сегодня для человеческих существ необычайно трудно постичь, как люди древности приходили к сознанию личности, потому что современные люди отказываются верить в то, насколько отлично было для человека древности восприятие внешнего мира. Невозможно понять такую личность, как **Юлиан Отступник**, во всем его всемирно-историческом значении, если не знать, что он был одним из последних, кто еще видел Солнце иначе, чем мы видим его сегодня². Современный человек видит Солнце как физическое тело. Влияние Луны посредством ее естественного воздействия сохранилось для человека дольше. При лунном свете еще прогуливаются влюбленные и сентиментально мечтают; в лунном свете растет и расцветает воображение; лунный свет подобен сумеркам, и поэзия, написанная в этом ключе, истинная и фальшивая, все еще широко распространена. Такие же чувства, какие люди ощущают в лунном свете, только гораздо более интенсивные, имели люди древности, когда, пробуждаясь, они встречали взглядом Солнце. Они не говорили просто о солнечном свете, они говорили что-то вроде следующего: «От небесных сущностей стремится в нас излучение, которое проникает нас теплом и светом, делая каждого из нас личностью».

Это еще чувствовал Юлиан Отступник и верил, что это может быть сохранено. Это было его ошибкой и его великой трагедией, так как человек не мог уже более ощущать свою личность в лучах физического

---

² См. «Человеческая жизнь на Земле и в Духовном Мире», лекция 1, называемая «Тройственное Солнце и Воскресший Христос». Лекция читалась в Лондоне 24 апреля 1922 г., библ. №211.

См. также «Эзотерические наблюдения над Кармическими связями», т. IV, лекция 6, читанная в Дорнахе 16 сентября 1924 г., библ. №238.

Солнца. Это познание личности пришло к человеку духовным путем. То, что Солнце не может больше давать ему из пространства, опыт, который не может больше прийти к нему извне, поднимается теперь из глубин, его собственных внутренних глубин. Сам Христос должен был соединить Свою космическую судьбу с человечеством, чтобы в непрерывной неустойчивости равновесия между Ариманом и Люцифером люди не покинули своего прогрессивного пути.

Мы должны принять полностью и глубоко серьезно, что Христос спустился с духовных высот и соединил Свою судьбу с судьбой людей. Что это означает? Когда до Мистерии Голгофы человек вглядывался в чувственный мир, он одновременно видел в нем и духовный элемент — это я постарался сделать ясным для вас, говоря о восприятии Солнца. Все это было потеряно для людей. Они должны были получить что-то взамен; они должны были получить нечто духовной природы и одновременно из этой духовности достичь впечатления реальности в чувственно воспринимаемом мире. Это выдающийся момент Мистерии Голгофы и ее связи с человеческим познанием.

И эта Мистерия Голгофы, которая дала земной эволюции ее истинное значение, произошла в маленьком уголке Земли, незамеченная римлянами; даже Тацит практически ничего не знал о Мистерии Голгофы, хотя писал свою прекрасную работу о Римской истории через 100 лет после нее. История действительно ничего не говорит о Мистерии Голгофы, так как Евангелия не рассматриваются как история. Они были написаны способом, который я показал в моей книге «Христианство как мистический факт»; они поистине мистериальные книги, примененные к жизни. Сколько бы трудов ни доставляли себе теологи, Мистерия Голгофы никогда не станет частью истории, касающейся других событий. В отношении Мистерии Голгофы особенно характерно то, что **исторически, путем истории, основанной на внешних фактах, ничего о ней не известно.** Тот, кто хочет узнать что-либо в отношении Мистерии Голгофы, должен верить в сверхчувственное. **Мистерия Голгофы не допускает чувственных исторических**

доказательств.

Таким же образом, как человек древности, глядя в мир чувств, воспринимал одновременно сверхчувственное, так и современный человек, если он не хочет потерять познание личности, взирает на Мистерию Голгофы как на сверхчувственное; так он приходит к убеждению, что историческое событие, о котором нет исторических свидетельств, все же имело место. Кто не понимает, что нет исторических данных в отношении самого важного исторического события в человеческой эволюции, что никакие внешние сообщения об этом событии не могут быть названы историческими, кто не постигает этого, тот не понимает полной взаимосвязи современного человека с Мистерией Голгофы. Так как относительно Мистерии Голгофы человеку предлагается обратиться к реальности, о которой история ничего не говорит, и эта реальность имеет действенное влияние. О чем говорили мы вчера как о приходящем от Аримана и Люцифера?

Мы упоминали, что Люцифер отвращает человеческие души от интереса к другим людям. Если бы в человечестве действовало лишь люциферическое, мы бы все больше и больше теряли интерес к нашим ближним. Нас мало касалось бы то, как мыслит тот или иной человек. Хорошее мерило того, сколь много люциферического в человеке, получаешь, если спросишь: интересуется ли человек другими людьми объективно, терпимо или же он заинтересовался, собственно, лишь для самого себя? У люциферических натур мало интереса к их ближним, они упорствуют, коснеют в себе, считают правильным лишь то, что они сами мыслят, что они сами ощущают, недоступные для мнений других людей. Если бы люциферическое продолжало действовать подобным образом в человеческом развитии, как оно действовало вплоть до Мистерии Голгофы, тогда бы человечество постепенно вступило на путь, который можно было бы охарактеризовать так, что люди сделались бы черствыми и замкнутыми в своих душах, каждый печалился бы лишь о себе, каждый почитал бы истинными лишь свои собственные идеи и не имел бы склонности заглядывать в сердца других. Это, однако, не что иное, как

оборотная сторона утраты личности. Ибо, именно **теряя возможность познавать человека как личность, мы теряем также и понимание своей личности.** Было весьма много людей, гораздо больше, чем думают, именно в то время, когда приближалась Мистерия Голгофы, — в греческом, римском мире, в Африке, на Западе Азии, много людей, которые в определенном смысле были высокомерны, люди, которые шествовали через мир как — не то, что нелюдимы, — но как высокомерные люди, стремящиеся к уединению. Было много таких, были также и такие, кто делал философию из того, чтобы не печалиться о других людях, а следовать лишь тому, что несли в себе самих. Это было вызвано нарушением равновесия со стороны люциферического.

Также и ариманическое, оно присутствовало даже в избытке. Это ведь обнаруживается лучше всего при рассмотрении первых римских императоров, Юлиев, из которых лишь самый первый — Август — был посвящен, хотя и несколько сомнительным образом, тогда как среди других были самое большее такие, которые добивались инициации силой, которые, однако, все считали себя за сынов Божьих, то есть посвященных, считали себя происходящими от Богов. Ибо **ариманическое открывается в особенности благодаря тому, что человек не хочет жить среди людей как личность среди личностей, но что он хочет развить власть, как я излагал вчера, что он хочет господствовать, хочет господствовать, используя слабости других.** Таковы были две великие угрожающие опасности ко времени Мистерии Голгофы, которым люди подпали бы, если бы не пришла Мистерия Голгофы: отсутствие интереса к ближним, влечение к властвованию в каждом отдельном человеке. Христос, соединив Свою судьбу с судьбой человечества, внес в нее нечто чрезвычайно глубокое. Вы, может быть, лучше поймете меня, если я очерчу вам, чем это в действительности было. Как я уже показывал вам, мы, люди, обладали силами, которые развивали благодаря нашему первоначальному существу. Вы знаете, что в некотором смысле мы становимся умны, благодаря нашему первоначальному существу, во второй половине нашей жизни. Я

говорил об этом много и часто. Но это еще не все; то, на что я указал как на рост ума в человеке между его рождением и смертью, имеет силу, строго говоря, только для земной эволюции; мы предназначены стать еще более одаренными на эволюционных стадиях Юпитера, Венеры и Вулкана, и те силы, которые мы разовьем в процессе стадий Юпитера и Венеры, уже находятся в нас в скрытом состоянии.

Далее происходит следующее. Вы знаете, что в течение первой половины жизни человек не способен достичь самопознания через свою первоначальную сущность; он может достичь его через Люцифера, в то время как его первоначальная сущность будет продолжать развиваться. Люциферическое возбуждает в нем самопознание в течение первой половины жизни; во второй половине жизни это блестящее самопознание затемняется Ариманом. С импульсом Христа другой поток входит в человеческую эволюцию; он говорит самым глубинам человеческого существа. Если бы человек полагался только на свои первоначальные силы для развития тех способностей, которые сами приведут его к пониманию того космического, которое пришло в земную эволюцию через Христа, то он не достиг бы этих способностей до стадии эволюции Венеры. Потому что, как бы умен ни смог стать человек в течение своей жизни на Земле ко времени своей смерти, он никогда не сможет достичь той точки, которая может быть достигнута через Христов импульс, соединивший Его судьбу с эволюцией Земли.

Таким образом, мы проходим через нашу земную жизнь, не будучи в состоянии довести наше собственное развитие, включая смерть, до того, чтобы понять Христов импульс. Из этого же для вас вытекает следующее: были современники Христа, Его ученики; они общались с Ним, они могли также с помощью традиции древней мудрости приобрести о Нем столько мудрости, что позднее они смогли написать Евангелия, но **понять** Его они, собственно, не могли. Ибо тогда они, вплоть до своей смерти, совершенно не могли прийти к пониманию Христова импульса. Но когда же они смогли прийти к нему? После своей смерти, во время после смерти. Только через три столетия после Мистерии Голгофы, ибо вплоть

до своей смерти они оставались незрелыми, и лишь только через три столетия они стали зрелыми.

Тем самым мы касаемся весьма значительной тайны; давайте совершенно точно проведем ее перед душой. Современники Христа должны были пройти сперва через свою смерть, должны были жить в духовном мире вплоть до 2, 3-го столетий, тогда в жизни после смерти перед ними могло встать познание Христа. Благодаря этому и написанное о Христовом импульсе приобрело — поскольку оно шло через более или менее ясную, или также через более или менее смутную инспирацию отцов церкви, — совершенно особый облик, но лишь начиная с 3-го столетия. Поэтому, в сущности, Августин, заложивший основы для средневековья, пришелся на это время. И из этого вы можете усмотреть, на что указывалось при постижении Христова импульса: мудрость Венеры, если так можно сказать, которую ныне человек еще не может переживать вплоть до своей смерти, но лишь после своей смерти, и даже лишь в последующие столетия, — эта мудрость Венеры инспирирует внутренне (*Hereininspiriert*), чтобы ее получили на Земле. И это было — я бы сказал, если бы выражение это не было так глупо, но нет другого — еще счастьем, что во 2-ом и 3-ем столетиях могла совершаться инспирация, могла начаться инспирация, ибо если бы пришлось ждать дольше, по истечении 333 года, тогда человечество все больше и больше ожесточалось бы против духовного мира и не восприняло бы никакой инспирации.

Как видите, действие Христова импульса в человечестве в течение столетий христианского развития было связано с многочисленными тайнами. И каждый, стремящийся к нему в наши дни, найдет наиболее важные элементы познания Христова импульса только путем постижения сверхчувственного познания. Так, первые истинные учителя человечества в отношении Христова импульса были действительно мертвые, как вы можете видеть из того, что я вам только что сказал, — лица, которые были современниками Христа и только в третьем столетии стали достаточно зрелыми для полного понимания.

Это понимание возрастало в течение четвертого столетия, но

одновременно возрастали и трудности инспирации людей. В шестом столетии эти трудности продолжали расти, пока наконец пришло время, когда инспирация людей через духовные таинства в отношении Христова импульса и возникшая этому оппозиция, основанная на все большем ожесточении человечества, были подчинены предписаниям Рима. Это было сделано Римом в девятом столетии, в 869 году, на Константинопольском Соборе, где было полностью покончено с духом. Вся эта история с инспирацией стала слишком неестественной для Рима, и им была установлена догма, что человек обладает в своей душе лишь чем-то от природы духа, но верить в дух — ересь. Человек должен быть отвлечен от духа. Вот основное, что связано с VIII Вселенским Собором, происходившим в Константинополе в 869 г., на который я часто ссылался. И, как следствие этой отмены духа, иезуиты нашего времени — я также часто ссылался на это — говорят: «В ранние времена действительно была такая вещь, как инспирация, но в наше время эта инспирация — дьявольская; мы не должны стремиться к сверхчувственному познанию, так как оттуда приходит дьявол».

Все это связано, однако, с еще более глубокими вещами, которые должны интересовать нас, если мы действительно хотим углубиться в духовную науку. Особенно связаны мы с распознаванием характера мудрости, которую многие так называемые духовнонаучные исследователи, особенно группирующиеся в тайных обществах, не признают. Некоторая ложь, если можно так сказать, постоянно распространяется среди людей — распространяется теми, кто знаком с духовными тайнами. Эта ложь затуманена фальшивым контрастом, фальшивой полярностью: разве вы не слышали, как люди говорят: «Вот Люцифер и его противник Христос», выдвигая теорию Христос-Люцифер как полярные противоположности? Я показал вам, что даже Гетевская концепция «Фауста» страдает от неправильного различения между Ариманом и Люцифером, от неспособности Гете сделать различие между Ариманом и Люцифером. Вторая часть моей маленькой книги «Духовный склад Гете» трактует об этом.

Но здесь имеется в виду нечто чрезвычайно значительное. Истинная противоположность, о которой сообщали людям те, кто стремился истинно говорить, исходя из духовного мира, истинная противоположность лежит между Ариманом и Люцифером, а Христов импульс несет нечто иное и не имеет ничего общего с полярностью Ариман-Люцифер, а движется по линии равновесия. И на признании этого факта покоится нечто необычайно значительное. Об этом мы будем говорить далее завтра.

Третья лекция

6 октября 1918 г., Дорнах.

Вчера я сделал два замечания, извлеченных из науки, которую мы должны назвать наукой инициации, и я хочу напомнить их вам, так как они необходимы нам как связующее звено. Прежде всего я сказал, что истины, глубочайшие истины, относящиеся к Мистерии Голгофы, по самой своей природе таковы, что не могут доказываться посредством внешних чувственно очевидных исторических свидетельств. Всякий, кто отправится внешней исторической дорогой в поисках доказательных фактов в отношении Мистерии Голгофы, тем же путем, как историческая очевидность может быть найдена для других фактов, будет не в состоянии найти их, так как Мистерия Голгофы связана с человечеством таким путем, что достижение ее истин в конечном возможно только сверхчувственным образом. Короче говоря, — **к тому, что касается самого важного в земном существовании, люди должны научить себя приближаться сверхчувственными средствами, а не посредством чувственного.**

Второе, что я сказал вчера, — что человек с тем пониманием, которым он обладает в соответствии со своим развитием как земной сущности, не в состоянии вплоть до смерти осмыслить Мистерию Голгофы своим пониманием, развитым в чувственном мире. Я сказал: только после смерти, в течение времени, которое мы проводим в сверхчувственном мире, развиваются в человеке понимание и силы для этого понимания, которые могут сделать для него ясной Мистерию Голгофы. Здесь я утверждал вчера нечто, что совершенно естественно будет принято внешним миром как абсурд, как парадокс. Я сказал, что даже современники Христа были неспособны достичь такого понимания до второго или третьего столетия после Мистерии Голгофы в течение их жизни за порогом смерти, и все, что было написано о Мистерии Голгофы в эти столетия, было инспирировано людьми, бывшими ее современниками, из духовного мира, из сверхчувственного мира, имевшими инспирирующее влияние на писателей этого периода.

Есть одно противоречие в том факте, что Евангелия — это инспирированные писания (вы можете узнать об этом из моей книги «Христианство как мистический факт»); это инспирированные писания христианства. Но инспирированные Евангелия могут говорить истину в отношении христианства только потому — я это часто подчеркивал, — что они писались не исходя из первоначальной природы и существа человека, но при помощи остатков атавистической ясновидческой мудрости.

То, что я сказал здесь об отношении человечества к Мистерии Голгофы, извлечено из науки об инициации (посвящения). Если таким путем может быть получено нечто из этого сверхчувственного познания, может возникнуть вопрос: каким же представляется это по сравнению с фактами внешней исторической жизни? Поэтому в начале сегодняшней лекции я хочу показать особенно характерный случай — сначала только как вопрос, который получит ответ в конце наших сегодняшних занятий — типичного церковного автора второго столетия. Я мог бы, конечно, выбрать и другого церковного писателя, — например, **Клементя Александрийского** или **Оригена**, — но тогда я должен был бы

совершенно иначе трактовать вопрос. Я выбираю одного из часто упоминаемых — **Тертуллиана**. И рассматривая личность Тертуллиана, я спрошу: как внешнее течение христианской жизни относится к сверхчувственным фактам, о которых я говорил вчера и суть которых я повторил сегодня?

Тертуллиан — весьма примечательная личность. Тот, кто слушает то, что обычно говорится о Тертуллиане, придет не более чем к тому представлению о нем, которое является общепринятым, — что Тертуллиан якобы был тем, кто оправдывал веру в сущность Христа, в жертвенную смерть, в Воскресение; тем, что он якобы сказал: «**Credo, quie absurdum est**», — верую именно потому, что это абсурдно, потому, что разум не объясняет этого. Слов: «Credo, quie absurdum est», — нет нигде у Тертуллиана. Их нет точно так же и в сочинениях остальных отцов церкви, они полностью выдуманы, но они суть то самое, благодаря чему мнение о Тертуллиане более позднего времени и вплоть до наших дней нередко становилось догмой.

Напротив, когда мы приходим к истинному Тертуллиану — для этого не обязательно быть его действительным последователем, — чем более точно узнаем мы его личность, тем более уважаем мы этого замечательного человека. Прежде всего мы учимся уважать применение Тертуллианом латинского языка, языка, выражающего самые абстрактные пути человеческого мышления и отражающего у других писателей его времени исключительно прозаический характер римлян, — Тертуллиан же употребляет его с поистине неистовостью духа. В свой стиль трактовки он вносит темперамент, вносит движение; он вносит чувство и святую страсть. Хотя он сам — типичный римлянин и выражается так же абстрактно, как другие римляне, о том, что часто называется реальностью, и хотя, по мнению людей, сведущих в греческой культуре того времени, он не был особенно хорошо образованным человеком, он пишет с выразительностью и внутренней силой и так, что хотя он употребляет абстрактный римский язык, он становится создателем христианского стиля. И сама манера, в которой говорит Тертуллиан,

достаточно выразительна. В одной из апологий христианства он пишет таким образом, что кажется, будто слушаешь речь человека, находящегося во власти святой страсти.

Там есть такие места, где Тертуллиан защищает христиан, обвиняемых в условиях, близких к пыткам, и не отрицающих, что они христиане, — утверждающих то, во что они верят. И Тертуллиан говорил о них: «Во всех других случаях пытаемых обвиняют в отрицании истины, в случае христиан — это обратно: их объявляют бесчестными, когда они свидетельствуют о том, что живет в их душах. Целью мучений не является заставить их говорить истину, что единственное могло бы быть смыслом пытки; целью пыток являлось заставить их сказать то, что является неправдой, в то время как они продолжают говорить истину. И когда из глубины своих душ они свидетельствуют истину, на них смотрят как на преступников».

Короче говоря, Тертуллиан был человеком с тонким чувством абсурдного в жизни. Он был очень зорким наблюдателем, умом сросшимся с тем, что развилось как христианское сознание и христианская мудрость. Поэтому это очень значительно, когда он делает такое утверждение: «Вы имеете поговорки; очень часто из непосредственного чувства вашей души вы говорите: «С Богом», «Это Божья воля» и т.п. Но это христианская вера, душа — даже если и бессознательно — исповедует себя как христианка».

Тертуллиан был также человеком независимого духа. Он говорил римлянам, к которым сам принадлежал: «Изучите христианского Бога, а затем поразмыслите, к чему вы сами можете чувствовать истинное благоговение. Я спрашиваю вас: гармонирует ли с благоговением то, что вы как римляне принесли в мир, или же истинное благоговение в том, чего желают христиане? Вы принесли в мир войны, убийства, преступления, — говорит Тертуллиан своим собратьям-римлянам, — потому что они являются победными трофеями, а победные трофеи являются знаками осквернения святилищ ...» — так говорил Тертуллиан римлянам. Он был человеком независимых чувств. И имея в виду действия

Рима, он сказал: «Молятся ли люди тогда, когда они по привычке смотрят в небо, или когда они смотрят на Капитолий?» При этом Тертуллиан отнюдь не был человеком, растворенным в абстрактном римском духе, так как он был проникнут живым чувством присутствия в мире сверхчувственного.

Говорящий с такой независимостью и свободой, как Тертуллиан, и в то же время из сверхчувственного, — такой человек редок, даже в те дни, когда сверхчувственное было ближе, чем оно стало позже. И Тертуллиан был больше чем просто разумен. Объявить, что «когда христиане говорят о том, что истинно, вы объявляете их преступниками, тогда как человек должен быть объявлен преступником, когда под пыткой он говорит то, что ложно ...» Это было, конечно, рационалистически сказано, хотя и мужественно, но Тертуллиан говорил еще и другие вещи, например: «Когда вы, римляне, действительно взглянете на ваших богов, которые суть демонические сущности, и действительно спросите их, вы получите в ответ истину. Но вы не хотите получать истину от демонических сущностей. Если рядом с обвиняемым христианином поставить кого-либо, одержимого демоном, через которого демон говорит, и позволить христианину задать правильным образом вопрос, то демон признается, что он демон. И о Боге, которого признают христиане, демон скажет, хотя и со страхом: «Это Бог, Который теперь связан с миром!». Тертуллиан апеллирует не только к свидетельству одних христиан, но также и к демоническим сущностям, говоря, что они признают себя демонами, будучи просто спрошены, спрошены бесстрашно, и что, как это описано в Евангелиях, они признают Христа Иисуса истинным Христом Иисусом.

Во всяком случае, мы имеем здесь замечательную личность, которая, будучи римлянином, противостояла своим собратьям-римлянам во втором столетии. Эта личность поражает нас особенно, когда мы рассматриваем ее отношение к Мистерии Голгофы. Слова, сказанные Тертуллианом в отношении Мистерии Голгофы, приблизительно таковы: «Сын Божий распят. Мы не стыдимся, потому что это постыдно. Сын Божий умер; это заслуживает доверия, поскольку безумно». Слова Тертуллиана гласят:

«Prorsus credibile est, quia ineptum est». То есть «Это заслуживает доверия, вполне заслуживает доверия, потому что это безумно». Итак: «Сын Божий умер; это вполне заслуживает доверия, потому что это безумно. И Он был погребен, и Он восстал снова; это верно, потому что это невозможно». От этих слов: «Prorsus credibile est, quia ineptum est» и происходят другие, неверные слова: «Credo, quia absurdum est».

Поймем правильно то, что говорит здесь Тертуллиан о Мистерии Голгофы. Он говорит: «Сын Бога распят. Если мы, люди, рассматриваем это распятие, потому что оно постыдно, мы не стыдимся». Что это означает? Он имеет в виду, что лучшее, что может случиться на Земле, вынуждено быть постыдным, потому что это образ действия людей — делать то, что постыдно, а не то, что превосходно. Если что-либо бывало объявлено превосходным поступком, — говорит Тертуллиан, — самым великолепным поступком, осуществленным человеком, это не могло быть самым превосходным событием для Земли. Для Земли самым превосходным будет такой поступок или деяние, которое принесет стыд людям, не славу — вот что имел в виду Тертуллиан.

Далее: «Сын Бога умер. Это, безусловно, заслуживает доверия, потому что это нелепо». Сын Бога умер, и это вполне заслуживает доверия, потому что человеческий разум находит это нелепым. Если бы человеческий разум объявил бы это разумным, это не заслуживало бы доверия, так как то, что человеческий разум считает разумным, не может быть высшим; это никак не может быть высшим событием, возможным на Земле. Так как человеческий разум, при всем его уме, недостаточно высок, чтобы прийти к тому, что является высшим; он приходит к высшему тогда, когда он безрассуден.

«Он был погребен и восстал снова. Это верно, потому что это невозможно». Как естественный феномен это невозможно, чтобы мертвый восстал, но, согласно Тертуллиану, Мистерия Голгофы не имеет ничего общего с естественным феноменом. Если бы можно было что-либо считать естественным феноменом, это не было бы самой ценной вещью на Земле.

То, что наиболее ценно для Земли, не может быть естественным феноменом и поэтому невозможно в царстве природы. Именно на этом основании то, что Он был погребен и снова восстал, и есть достоверно, потому что это невозможно.

Мне прежде всего хотелось бы представить этого Тертуллиана с теми его словами, которые я только что привел из его книги «De Carne Christi» как вопрос. Я постарался охарактеризовать его сперва как свободного, независимого духа, затем как ощущающего в непосредственной близости к человеку демонически сверхчувственное. И в то же время я привел три предложения Тертуллиана, по поводу которых все умные люди могут посматривать на него как на простачка. Поистине замечательно, как в вопросах такого рода люди судят односторонне. Когда они выдвигают такое фальшивое предложение, как «Credo, quia absurdum est», они судят человека в целом в соответствии с ним. Однако необходимо взять все три предложения, которые на первый взгляд невразумительны, так как Тертуллиана не легко понять, но взять сначала с его полной уверенностью в воздействиях сверхчувственного мира в человеческом окружении.

А теперь мы хотим поставить перед нашими душами нечто, что в какой-то мере подходит для того, чтобы пролить свет на Мистерию Голгофы с другой точки зрения. Я имею в виду два феномена в жизни человечества, о которых я сказал несколько слов в наших занятиях 3-го дня: первый феномен — это смерть, и второй феномен — наследственность. Смерть, которая связана с окончанием жизни, а наследственность — с рождением. В отношении смерти и наследственности важно иметь ясное понимание человеческой жизни и человеческой науки. Из всего того, что я вам описывал в течение нескольких недель, вы должны быть в состоянии понять следующее.

Когда человек всматривается своими чувствами в свое окружение и хочет охватить мир чувств своим пониманием, тогда среди чувственных феноменов он встречает также феномены наследственности, так как до известной степени свойства предков бродят в их потомках и человек поступает, исходя подсознательно из этих унаследованных сил. То, что

связано с мистерией рождения, все эти различные унаследованные черты, и их мы часто изучаем, хотя мы ни разу не думали об этих унаследованных чертах. Когда мы, например, изучаем этнографию, мы всегда говорим о наследственных чертах, не обращая на это внимания. Нельзя изучать народ, не видя в кругу унаследованных черт всего того, что мы изучаем. Когда мы говорим о каком-нибудь народе — о русских, об англичанах, о немцах и т.д., — мы всегда говорим о тех свойствах, которые принадлежат области наследственности, качествах, которые сын приобретает от отца, отец — от деда и т.д. Область наследственности, связанная с мистерией рождения, поистине широкая область, и говоря о внешней жизни, мы, часто не сознавая этого, говорим о фактах, о силах наследственности.

То, что мистерия смерти включена во внешнюю чувственную жизнь, является фактом, постоянно выступающим перед нами в настоящее время, так что для этого не приходится тратить много слов. Но стоит заглянуть, я бы сказал, за пределы способности человеческого познания, как обнаруживается нечто иное. Обнаруживается именно, что эта способность человеческого познания приурочена к постижению весьма многого в природном порядке, и эта человеческая способность познания рассматривает себя как наивысшую и стремится к постижению всего, что включается в этот природный порядок. Но эта человеческая способность познания отнюдь не пригодна к постижению факта наследственности, связанного с мистерией рождения, и факта смерти. И в человеческой жизни выступает то своеобразное явление, что все человеческое воззрение проникнуто ложными понятиями, которые, хотя и проявляются в чувственном мире, но по всему своему существу суть понятия духовного рода.

Мы причисляем человеческую смерть (со смертью у животных и у растений дело обстоит, как я обратил на это позавчера ваше внимание, несколько иначе) к явлениям, которые разыгрываются в чувственном мире, поскольку это так может казаться. Но через это мы не достигаем ничего такого, чтобы суметь узнать нечто о человеческой смерти. Естествознание никогда не смогло бы сказать что-либо о человеческой

смерти, мы достигнем тут лишь того, что обратим все наше человеческое воззрение в иллюзорный образ, ибо мы повсюду примешиваем факты смерти. И мы узнаем нечто о природе в ее истине лишь тогда, если мы опустим смерть и если мы опустим наследственные признаки. Своеобразие человеческого познания заключается в том, что оно испорчено — если мне можно воспользоваться этим выражением, — сделалось иллюзорным образом, поскольку оно считает, что оно могло бы распространяться обо всем чувственном мире, а следовательно, и о смерти и рождении; и поскольку оно примешивает в свое восприятие природу смерти и рождения, оно портит все свое воззрение на чувственный мир. Никогда не достигнуть воззрения на то, что такое человек как чувственное существо, если приписывать чувственному миру свойства наследственности, которые ведь связаны с рождением. Искажается весь образ человека, — я изображал три потока: прямую линию нормального развития, боковую люциферическую и боковую ариманическую, — все развитие человека, которое неуклонно идет вперед, когда рождение и смерть приписываются существу человека, поскольку человек принадлежит чувственному миру.

Столь своеобразно обстоит дело с человеческой познавательной способностью. Под руководством самой природы эта человеческая познавательная способность приведена к тому, чтобы мыслить ложно, ибо, если бы она могла мыслить истинно, она должна была бы выделить из природы образ, в котором не заключается никакой наследственности и никакой смерти в человеческой жизни. Необходимо было бы абстрагироваться от смерти и наследственности; нужно было бы также не придавать смерти и рождению никакого значения и, отвлекаясь от всего этого, нужно было бы простроить себе образ — тогда получили бы образ природы. Наследственные признаки и смерть не имеют места в мировоззрении Гете. Они не приходят в него и не удерживаются в нем. Это специальная характеристика гетевского мировоззрения, что вы не можете внести в него смерть и наследственность. Оно потому так хорошо, что смерть и наследственность не имеют в нем места, и поэтому мы

можем принять его как истинную картину реальности природы.

До времени Мистерии Голгофы люди еще думали о смерти и наследственности, исходя из некоторых духовых глубин и в большей согласованности с природой. Семитические народы смотрели на наследственные характеристики как на прямое продолжение влияния Бога Яхве. Они исключали все, связанное с наследственностью, из природы, видя в нем прямое влияние Яхве, — до тех пор, по крайней мере, пока мировоззрение Яхве было правильно понимаемо. Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова означает непрерывное влияние наследственных характеристик.

С другой стороны, греческое мировоззрение — хотя в своем упадке оно имело мало влияния — стремилось охватить нечто в природе человека, что живет в нем между рождением и смертью, но не имеет ничего общего со смертью; стремилось выделить из суммы явлений нечто, во что смерть не имела силы вмешиваться. Они имели некоторый ужас перед самой идеей смерти. Именно потому, что они концентрировались на области чувств, они не хотели понимать смерть, так как они инстинктивно чувствовали, что когда человеческий взор направлен чисто в область чувств — как было у Гете, — смерть делается чуждой. Она не связана с чувственным миром, она ему чужда.

Но возникали новые мировоззрения, и изменения в некоторых древних мировоззрениях являются наиболее типичными для некоторых ведущих народов и индивидуальностей во время приближения Мистерии Голгофы. Люди постепенно теряли всякую возможность видеть в духовном мире атавистическим путем и поэтому они все более начинали верить, что рождение и смерть или наследственность и смерть принадлежат миру чувств. Наследственность и смерть — они ведь действительно играют свою роль — и очень ощутимую — в чувственном мире. Люди все более приходили к взгляду, что наследственность и смерть принадлежат чувственному миру. И это угнездились во всем человеческом мировоззрении. Уже в столетия, предшествовавшие Мистерии Голгофы, все человеческое воззрение было проникнуто верой, что наследственность

и смерть имеют общее с чувственным миром. Через это выявилось нечто очень-очень примечательное. Вы поймете это, только если позволите духу, о котором я говорил вам в эти дни, влиять на вас правильным образом.

Факт наследственности — его видят, обращаясь к явлениям природы. Его принимают за природное явление. Все больше распространилась вера, что наследственность — это природное явление. Однако каждый факт такого рода, выступающий в жизни, вызывает свою полярную противоположность; в человеческой жизни вы не можете отдаваться факту без того, чтобы этот факт не вызвал своей противоположности. Человеческая жизнь протекает в уравнивании противоположностей. Основное условие всякого познания заключается в признании того, что жизнь протекает в противоположностях и состояние равновесия между ними — это все, к чему мы можем стремиться. В чем же было следствие веры в то, что наследственность имеет место среди природных феноменов и принадлежит к ним? Следствием было ужасное бесчестье для человеческой воли. Бесчестье человеческой воли заключается в том, что (поскольку возникла противоположность) к человеческой воле был отнесен факт прошлого, факт, который мы в духовной науке знаем как влияние люциферических и ариманических духов. И воздействие на душу факта, который искали непосредственно среди явлений природы, было столь велико, что вогнало людей в некоторое моралистическое мировоззрение. Поскольку наследственность поместили среди явлений природы и таким образом недооценили ее, сформировалась противоположность — ***вера в то, что посредством человеческой воли некогда произошло нечто, что с тех пор присутствует в мире как первородный грех. Именно ложным включением наследственности в ряд явлений природы было порождено основное зло — перенесение первородного греха в область морали.***

Тем самым было испорчено мышление людей, ибо мышление это не пришло к тому, чтобы воспринять правильное убеждение, что так, как люди обычно представляют себе первородный грех, — что все это представление есть ***богохульство***, ужасное богохульство. Бог, каким он

кажется большинству людей, Бог, который позволил, можно сказать, из чистого честолюбия случиться тому, что произошло в Раю — в обычном пересказе этой истории, — Бог, который сделал это не из соображений, описанных в книге «Тайноведение», но так, как это обычно описывается, поистине не был бы высочайшим Богом. И приписывать это честолюбие Богу — богохульство. Только когда мы дойдем до состояния, когда сможем не рассматривать наследственные характеристики в свете морали, но видеть их как физически осязаемый факт в сверхчувственном свете; только когда мы свяжем их со сверхчувственным без всякой моральной интерпретации; когда в сверхчувственном понимании мы откажемся втискивать их в моральную картину мира по образу раввинской теологии, — только тогда мы придем к правильному отношению к этим вещам.

Раввинская теология всегда будет давать интеллектуальную интерпретацию того, что распространено в чувственном мире как силы наследственности, и ради чего следовало бы учиться с помощью духовного мировоззрения, чтобы различать дух уже в наследственных признаках, проявляющихся в чувственном мире. Это то, к чему сводится все дело, и особенно важно для нас увидеть, что без Мистерии Голгофы человечество пришло бы во время Мистерии Голгофы к отрицанию духа, ибо оно отклонилось бы от того, чтобы распознавать дух в наследственных признаках в пределах чувственного мира; ибо люди пришли к тому, чтобы все больше и больше ставить на место духовного мировоззрения раввинскую и социалистическую интерпретации.

На этом покоится столь необычно много всего, что видишь себя вынужденным сказать: ты ничего не понимаешь в отношении чувственного мира, если ты не подготовил себя к тому, что является сверхчувственным пришельцем в чувственном мире, поскольку обладает духовными взаимосвязями. Мы должны указать на связь наследственности с духовным восприятием, сверхчувственным восприятием. Интеллект же переносит область чувств, которая сама духовна, сверхчувственна, в область мыслительно понятой морали, — этот дух есть тот, которому

противостоит дух Христа, дух Мистерии Голгофы. Это относится к наследственности и смерти.

Безусловно, Отцы Церкви могли удостоверить, что даже среди язычников были многие, убежденные в бессмертии. Но на чем это основывалось? Только в древние времена было истинное познание того, что в мире чувств смерть является сверхчувственным элементом. Во время Мистерии Голгофы преобладающее мировоззрение было искажено принятием смерти как опыта чувственного мира, и благодаря этому силы смерти распространились над всем остальным миром. На смерть следует смотреть как на чужеземца в чувственном мире. Только тогда может возникнуть чистая наука о природном устройстве. Сюда присоединилось то, что измыслили о бессмертии некоторые древние философы. Они обратили внимание на бессмертное в человеке. Они правомерно обратились к этому, так как они говорили себе: «Смерть здесь, в мире чувств». Но говорили они это, исходя из искаженного мировоззрения, так как иначе они вынуждены были бы сказать: «Смерти нет здесь, в мире чувств, только видимость ее появляется здесь». Только исходя из искаженного мировоззрения они могли говорить, что смерть принадлежит чувственному миру ... И они постепенно представили чувственный мир таким образом, что смерть заняла в нем свое место. Но вместе с тем исказились все другие вещи. Само собой разумеется, что все другие вещи исказились, когда их переставляли так, что смерти было дано место в чувственном мире. Но когда, исходя из искаженного мировоззрения, это было высказано, тогда должны были высказать также и другие вещи: мы должны обратиться к чему-нибудь другому в противовес смерти, к чему-либо сверхчувственной природы, что противостоит смерти. Да и благодаря тому, что в конце древнего мира люди, исходя из искаженного мировоззрения, обратились к безличной духовности, этот бессмертный духовный мир — даже если его называли и другими именами — был люциферическим миром. Как люди называют что-либо — это неважно; значение имеет то, что действительно действует в их представлениях. И в этом случае реальностью был люциферический мир. И даже если слова

звучали иначе, эти философы поздней античности во всех своих толкованиях говорили одно: «Как души, приближающиеся к смерти, мы стремимся к Люциферу, который примет нас, так что мы будем бессмертны. Мы умираем в царство Люцифера». — Таково было истинное значение их слов.

Я говорил вам о силах, которые преобладают в человеческом познании как результат всех условий, которые я описал, — эти силы имеют пережитки, которые мы можем видеть действенными еще сегодня. Что должны вы допустить, если серьезно примете сказанные мною сегодня слова, исходящие из мудрости инициации? Вы должны сказать: «Человек имеет свое начало и свой конец». Ни то, ни другое не может быть понято с помощью человеческого интеллекта, служащего для понимания природы, так как, вводя рождение и смерть в чувственный мир, к которому они не принадлежат, которому они чужие, мы приходим к ложному мировоззрению и на сверхчувственное и на чувственное. Оба искажены: и понимание духа, и понимание природы. А каковы последствия? Одно из последствий, например, таково: имеется антропология, которая возводит происхождение человека к низшим существам и делает это совершенно научно и притом очень умно.

Пройдитесь по всем этим антропологиям, которые возводят к низшим существам происхождение человека, которое они представляют себе таким образом, как если бы то, что еще свойственно диким народам, было в начале человеческого рода. Имея такое представление, естественнонаучно судят совершенно верно. Но вывод, который должны были бы сделать из этого, заключается в следующем: именно потому, что это столь верно в естественнонаучном отношении — верно перед лицом естествознания, которое полагает, что рождение и смерть принадлежат чувственному миру, — это ложно, поэтому действительное происхождение человека было иным. И когда Кант и Лаплас измышляли свои теории, они сформировали их, исходя из естествознания. Против этого, кажется, нечего возразить, но дело обстояло иначе именно потому, что теория Канта-Лапласа правильна с точки зрения сегодняшнего естествознания.

Вы приходите к истине, если как для начала, так и для конца человека, равно и для происхождения и завершения Земли, вы признаете за верное противоположное тому, что верно в современном естественнонаучном смысле. ***Антропософия скажет тем больше верно о происхождении Земли, чем больше она находится в противоречии с тем, что может быть сказано, исходя из правильного в современном смысле естествознания.***

Поэтому Антропософия не противоречит современному естествознанию. Она считается с естествознанием, но она расширяет его, не выходя из своих пределов, а указывает именно те пункты, где в него должно войти сверхчувственное воззрение. Антропософия чем больше логична, тем более правильна она в отношении необходимого человеку и принадлежащего ему современного природного порядка, чтобы тем больше не говорить о том, чего не было при начале бытия человека и Земли! И чем менее естествознание будет встречать то, что относится к смерти, тем более оно будет предаваться фантазиям в отношении смерти, исходя из своих представлений. Не будь Мистерии Голгофы, человечеству неизбежно было бы суждено мыслить, исходя из искаженного мировоззрения, о самых важных вещах. Так как это не зависело бы ни в какой мере от человеческой воли или человеческой вины; это зависит исключительно от человеческой эволюции.

В ходе своей эволюции человек просто пришел к взгляду на свое истинное существо как на сочетание плоти, крови и костей, в котором он себя ощущает. Древний египтянин в древнем лучшем периоде Египта нашел бы страшно комичным утверждение, что то, что ходит на двух ногах и состоит из плоти, крови и костей, и есть истинный человек. Эти вещи, однако, не зависят от теоретических соображений; они не могут быть измышлены. Постепенно человеку стало казаться естественным рассматривать себя как форму, состоящую из плоти, крови и костей, — форму, которая поистине есть отражение всех Иерархий. В отношении этих вещей распространялось так много ошибок, что, как ни странно, те личности, которые смогли увидеть эти ошибки, впали в еще большие.

Безусловно, были такие, которые пришли к идее — но ариманически-люциферическим путем, — что человек — это не только плоть, кровь и кости. Они говорили: «Хорошо, раз мы имеем нечто лучшее, чем это сочетание плоти, крови и костей, мы станем презирать плоть; мы будем смотреть на человеческое существо как на нечто высшее, поднимающееся над этим чувственным человеком». Но этот образ из плоти, крови и костей вместе с эфирным и астральным телами, такой, как его видит человек, — иллюзия; в действительности это чистейшее подобие Божества. — Не потому, что мы должны видеть черта в мире, а потому, что мы должны видеть Бога в нас, в нашем собственном мире, является заблуждением — как я объяснил — идентифицировать себя с чувственной природой. Совершенно неверно также говорить: «Да, я очень высокое существо, ужасно высокое существо, ужасно возвышенная душа, а там (см. рис.) — это неполноценное, отвратительное окружение». Это не так, а дело обстоит следующим образом: здесь царство высших Иерархий, все божественные существа; они рассматривают как свою божественную цель совместное формирование формы, являющейся отражением их (голубой круг). Эта форма являет собой внешнее, зримое человеческое тело. И именно в эту форму, которая является копией Божества и постыдно принижается, когда на нее смотрят как на нечто низшее, Духи Формы внедрили человеческое “Я”, теперешнюю душу — самый молодой из человеческих членов, как я часто вам говорил (точка внутри голубого круга).

Если бы не пришла Мистерия Голгофы, человек мог бы достичь лишь ложных концепций относительно наследственности и относительно смерти. И эти ложные концепции становились бы все более преувеличенными. Сегодня они проявляются иногда атавистическим

образом (подобно тому, как в некоторых социалистических группах сегодня представлено мировоззрение, являющееся атавизмом), в таких воззрениях, которые причисляют рождение и смерть к чувственным явлениям. И в дальнейшем развитии человечества врата в сверхчувственный мир должны были бы вообще закрыться перед человеком. А то сверхчувственное, что он может найти в чувственном мире — наследственность и смерть, — они стали бы его предателями, вероломным образом говоря ему: «Мы принадлежим к чувственному,» ... в то время как они не принадлежат к нему. Только отказавшись верить природе, которая показывает нам смерть и рождение в ложном свете, достигнем мы истины. — Таковы парадоксальные отношения, в которых человек находится в мире.

В человека должно было быть внедрено нечто, что вносит равновесие в это развитие, — нечто, способное отвести его от этой веры в то, что наследственность и смерть — суть явления чувственного мира. К тому же должно было быть нечто поставлено перед ним, что пояснило бы ему, что смерть и наследственность не являются чувственными феноменами, но сверхчувственными. По этой причине событие, которое показывает человеку истину об этих вещах, не может быть постижимо обычными силами, потому что они находятся на пути к разложению и должны быть направлены на правильный путь могучим контрударом. Таким контрударом была Мистерия Голгофы, так как она вошла в человеческую эволюцию как нечто сверхчувственное и, таким образом, дала человеку выбор: или ты уверуешь в это сверхчувственное (событие), приблизишься к нему, но теперь познавателью на сверхчувственном пути, или поддашься влиянию всех тех взглядов, которые рассматривают смерть и унаследованные признаки как принадлежащие к чувственному миру.

Потому составными частями истинного воззрения на Мистерию Голгофы являются оба пограничных факта этой Мистерии Голгофы: Воскресение, которое не может быть мыслимо вне связи с рождением — не тем способом, который мистифицирует человечество в отношении действительного факта, но рождением сверхчувственным путем и

прохождением через смерть также сверхчувственным путем. Это два основных факта, которые должны ограничивать жизнь Христа Иисуса. Никто не понимает Воскресения, которое как истинное представление должно быть противопоставлено ложному представлению, что смерть принадлежит к чувственному миру, никто не понимает этого Воскресения, если он не принимает точно так же, как его коррелируют *Conceptio immaculata*³, непорочного зачатия, рождения как сверхчувственного факта.

Люди хотят понять это — *Воскресение и conceptio immaculata*, и даже современные теологи стремятся понять их уже в пределах теологии, обычным человеческим рассудком, который лишь ученик в чувственном мире, а именно — понять эти факты искаженным чувственным воззрением, возникшим после Мистерии Голгофы. И потому, что не могут понять этих истин, делаются последователями Гарнака или кого-нибудь в этом роде: отрицают Воскресение, всячески разглагольствуют об этом. А что касается непорочного зачатия — они смотрят на это уже как на нечто, о чем разумное существо и говорить не станет.

Несмотря на это, с Мистерией Голгофы внутренне связано то, что в Мистерии Голгофы содержится метаморфоза смерти, то есть ее метаморфизация из чувственного факта в сверхчувственный факт, и метаморфоза наследственности, — это значит, что то, чем морочит нас чувственный мир в отношении наследственности, которая связана с Мистерией Голгофы, переносится в сверхчувственное, в *conceptio immaculata*.

Однако сколько бы ошибочного и несовершенного ни было бы сказано об этих вещах, задачей человека является не принимать их без понимания. Его задачей является достижение сверхчувственного познания так, чтобы через сверхчувственное он мог изучить и охватить эти вещи, которые не могут быть поняты в чувственном мире. Если вы подумаете о различных курсах лекций, в которых говорилось об этих вещах, если вы особенно подумаете о содержании изложенного мною

---

³ *Conceptio immaculata* — Непорочное зачатие (лат.)

Пятого Евангелия⁴, вы откроете целый ряд путей, чтобы понять обе эти вещи, но понять только на сверхчувственных путях. Так как до тех пор, пока интеллект ученика будет придерживаться области чувств, в соответствии с современным мировоззрением, эти факты не могут быть поняты. Именно тогда, когда самые возвышенные факты земной жизни непонятны интеллекту ученика чувственного мира, — именно тогда они истинны. Поэтому неудивительно, что науке инициации противостоит обычная наука, так как она говорит о вещах, которые — именно потому, что они не противоречат истинному естествознанию — должны противоречить тому природному порядку, который выводится из искаженного взгляда на природу. Теология стала также в значительной степени жертвой этого искаженного взгляда на природу, однако в другом направлении.

Если вы возьмете другой вопрос, о котором я говорил вчера, что только после смерти человек в состоянии прийти к правильному пониманию Мистерии Голгофы, тогда, — если вы немного поразмыслите — тогда вы не будете больше находить непостижимым, что через врата смерти человек входит в мир, где он не может быть обманут мыслью, что смерть принадлежит к чувственному миру, так как он видит смерть с другой стороны — я часто это описывал — и с этой стороны он научается все больше познавать смерть. И посредством этого он становится все более способен созерцать Мистерию Голгофы в ее истинном облике. Таким образом, следует сказать, что если бы Мистерия Голгофы не наступила (а то, что сказано этим, может быть понято только через сверхчувственное познание), то смерть овладела бы человеком. Но так как человек в ходе своей эволюции впал в искаженный взгляд на природу, он вынужден иметь ложный взгляд на смерть. В стремлении к бессмертию люди обращаются к Люциферу, и в стремлении обратиться к духу они делаются жертвами Люцифера. Если они не обращаются к духу, они становятся подобны животным, а если они обращаются к духу, они попадают во власть Люцифера. Стремление к будущему означает желание быть

---

⁴ «Из Акаша-Хроники. Пятое Евангелие». 5 лекций, прочитанных в Христиании (Осло) с 1 по 6 октября 1913 г. Библ. № 148.

бессмертным в Люцифере; стремление к прошлому означает толкование мира таким путем, что наследственные признаки, которые являются сверхчувственными, переносятся в область морали и тем фабрикуют средневековое богохульство о первородном грехе.

Действительная самоотдача Мистерии Голгофы предохраняет от всех подобных вещей. Она вносит в мир истинный взгляд на рождение и смерть, обретенный на сверхчувственном пути. И благодаря такому истинному взгляду человек должен быть излечен от ложных, искаженных воззрений. Так, Христос Иисус является также и Врачевателем, Спасителем. И потому действует Он — так как люди не из одного только безделья избрали путь искаженного мировоззрения, но пришли к этому через свое развитие, через свою природу, — потому Христос действует также и исцеляюще; поэтому Он поистине не только Учитель, но и Врачеватель человечества.

Эти вещи должны быть обдуманы, но — как было сказано, я должен все снова повторять — они могут быть рассматриваемы только путем сверхчувственного познания. Если спросить себя: «К каким познаниям могли прийти души, которые инспирировали такой ум, как Тертуллиан во втором столетии?», мы должны обратить взор к умершим, которые были, возможно, современниками Христа Иисуса и таким образом инспирировали Тертуллиана. Безусловно, так как в мире было много искаженного познания, многие вещи становились извращенными, с затуманенной окраской. Если, однако, сквозь слова Тертуллиана мы слышим инспирирующие голоса современников Христа, мы поймем, как мог Тертуллиан сказать подобные слова: **«Сын Божий был распят. Так как это постыдно, мы этого не стыдимся»**. Из-за искаженного мировоззрения люди должны были бы стыдиться; то, что в высочайшей мере было смыслом Земли, обнаруживается в человеческой жизни как постыдное деяние. **«Сын Божий умер. Это вполне вероятно, потому что это нелепо»**. **«Prorsus credibile est, quia ineptum est»**. Поскольку это безумие для того, чего человек в пределах своей физической жизни может достигнуть посредством своего обычного

рассудка, это есть как раз то самое, что является истинным в том смысле, в каком я сегодня объяснял. **«И Он был погребен и воскрес, и это верно, потому что невозможно».** Ибо в пределах искаженных явлений природы этого даже не бывает.

Если вы возьмете слова Тертуллиана в сверхчувственном смысле как инспирированные давно уже умершими тогда современниками Христа, вы, может быть, скажете себе: «Да, конечно, Тертуллиан воспринимал это так, как он мог это воспринять благодаря его душевному состоянию!» — но вы сможете предожутить их инспирированное происхождение. Доступ к такому источнику их мог приобрести, разумеется, лишь человек, который всем своим внутренним знанием столь основательно пребывал внутри сверхчувственного, что говорил о демонах как о свидетелях божественного свершения, подобно тому, как о свидетелях людях. Ибо Тертуллиан говорил о том, что демоны говорят сами, что они — демоны и что они признают Христа. То было предварительное условие для того, чтобы Тертуллиан вообще мог воспринимать что-либо, что было инспирировано ему.

Для тех, кто в ложном смысле стремится быть христианами, эти вещи содержат нечто весьма и весьма неприятное, нечто поистине неприятное. Ибо, подумайте только, если сами демоны высказывают истину и указывают на истинного Христа, то ведь в конце концов демоны могут быть опрошены кем-нибудь из иезуитов! Кто-нибудь, о ком иезуиты утверждают, что он находится в сношениях с демонами, мог бы быть вовлечен этими демонами в разговор о действительном происхождении иезуитского Христа и демон мог бы сказать тогда: «Твой Христос — не Христос, настоящий же Христос — это Христос других». Вы понимаете иезуитский страх перед духовным миром! Вы понимаете, что в этом есть нечто пугающее, если можно подвергнуться опасности, что будешь дезавуирован из какого-нибудь уголка сверхчувственного мира! Тогда можно было бы привлечь Тертуллиана в главные свидетели и можно было бы сказать: «Взгляни, милый иезуит, демон сам говорит, что твой бог ложный, а Тертуллиан, которого ты все-таки должен признавать как

настоящего отца церкви, говорит, что как раз о себе и о Христе демоны говорят истину, как сказано об этом и в Библии». Короче говоря, дело становится весьма щекотливым, коль скоро духовным миром допускается, хотя лишь и в неправильной форме, чтобы демоны свидетельствовали об истине. Ибо, даже если бы проинтервьюировали Люцифера, — он бы не сказал неправды о Христе! Но могло бы получиться, что неправдой о Христе является нечто иное.

Истины посвящения (инициации) иногда звучат иначе, чем то, признание чего удобно для людей ... Это, разумеется, приводит к недоразумениям, когда в наши дни делаются попытки ввести истины посвящения во внешний мир — особенно если такие истины посвящения должны быть введены в непосредственную реальность. Да, как только открывается область сообщений, исходящих из сверхчувственного, возникают поистине странные конфликты, когда этому противопоставляется то, что не проистекает из сверхчувственного.

Мы уже часто могли применить это к обыденной жизни. Мне принесло известное удовлетворение, что упоминание, которое я сделал лишь для самого себя в ходе моих лекций, — и то, что я говорю во время лекций, я говорю, как мое собственное убеждение, которое ни для кого не должно непосредственно обязывать, — это упоминание возымело последствия и это здание было названо «Гетеанумом», исходя из всех условий нашей современной жизни. И даже с привлечением некоторых сверхчувственных импульсов это кажется мне правильным и хорошим. Но если меня спросят об основаниях этого с интеллектуальной точки зрения — как будто я могу их все сосчитать по пальцам, — если меня попросят дать все основания для этого, я покажусь себе чудовищным филистером, если начну искать основание для того, что было прочувствовано как глубокая необходимость, — все основания за и против показались бы мне поистине ложным умствованием.

В такое положение попадают часто, когда описывают сверхчувственные импульсы. Люди часто говорят: «Я не понимаю этого, я не могу постигнуть этого». — Но так ли много заключено в том, чтобы другой

человек или ты сам понял вещь? Ибо что значит — постигать (*begreifen*)? Постигать — означает не что иное, как видеть вещи в том свете, где находятся мысли, которые вот уже десятилетия найдены тобой вполне подходящими для тебя. Ничего иного ведь не означает то, что люди именуют «пониманием»! То, что ты сам именуешь пониманием, означает в отношении истин, которые открываются из сверхчувственного мира, часто совсем не много. Как раз в отношении наиболее сверхчувственных областей, которые непосредственно не являются одними только учениями, а должны овладеть волей, должны овладеть миром деяний, всегда существует нечто рискованное, если спрашивают согласно человеческому разуму: «Почему, почему, почему бывают то или это?» Или: «Как можно понять это, и это, и это?» В этом отношении следовало бы привыкнуть к тому, чтобы приводить определенные вещи сверхчувственного мира в параллель с тем, что постоянно признается за факты природы. Но и только — в параллель. Я не знаю, если вы выйдете отсюда, и какой-нибудь Пушок, или Волк, или как еще здесь зовут собак, укусит вас, а прежде вас не кусали, будете ли вы тогда спрашивать: «Почему она меня укусила?» Или: «Как мне это понять? Какова тут разумная связь?»

— Вы просто расскажете об этом факте. Дело заключается именно в том, что некоторые сверхчувственные вещи тоже должны быть рассказаны.

И таких вещей много — как вы можете видеть из того, что я говорил вам сегодня, — показывающих, что в чувственном мире есть два очевидных события, которые скрывают свое истинное значение: смерть и рождение человека, которые, в сущности, вносят сверхчувственное в чувственный мир, в котором они являются пришельцами. Они маскируются под чувственные явления и вследствие этого их ложная маска распространяется на всю природу, так что и вся остальная природа должна представлять современным людям в ложном освещении.

Основательно понять эти вещи, основательно впитать их в наше познавательное настроение — это одно из требований человеческой жизни в будущем. Сами Духи Времени потребуют этого, особенно от тех,

кто стремится найти познание для будущего и хочет развить волю в какой-либо области. Особенно следовало бы овладевать духовными ветвями культуры — теологией, медициной, юриспруденцией, философией, естествознанием, даже техникой и социальной жизнью, и даже политикой — да, даже политикой, этим странным созданием! Во все это те, кто понимает эпоху, должны были бы вводить то, что вытекает из духовной науки.

Четвертая лекция

11 октября 1918 г., Дорнах.

Вы узнали с самых различных сторон, что эволюция современного человека прошла через решающий момент в 15-ом столетии, когда началась пятая Послеатлантическая культурная эпоха. Как мы хорошо знаем, эта эпоха получила свой специальный характер, потому что человечество пришло к развитию души сознательной, тогда как в предыдущую, греко-римскую, эпоху человеческая эволюция протекала преимущественно в сфере души рассудочной. Очень важно, чтобы подобная истина — что в 15-ом столетии начался век души сознательной — была принята не просто теоретически и абстрактно, но со всей возможной в жизни серьезностью, так, чтобы наша воля постоянно понуждала нас спрашивать себя: «Каков должен быть наш склад души, что должны мы делать для этого склада души с целью отдать полную справедливость тому факту, что мы живем в эпоху развития души сознательной?»

Главное в том, что благодаря этой эпохе души сознательной человечество получает импульс к сознательному стремлению к некоторым концепциям, к которым в более ранние эпохи не стремились сознательно.

Мы знаем, что среди других более или менее важных вещей, имеющих отношение к этому обстоятельству, мы находим самое важное событие, когда-либо происшедшее в земной жизни — событие Голгофы. Мы часто подчеркивали, что событие Голгофы вошло в человеческую эволюцию таким путем, что значение его не может быть вначале охвачено человеческой душой вполне сознательно: только мало-помалу может прийти полное сознательное понимание.

Мы часто подчеркивали, что по причине хорошо известных нам сил в человеке постоянно возникает склонность, с одной стороны, отставать в своей эволюции, с другой стороны — превысить свой уровень. Так в истории культуры мы видим многочисленные попытки сохранить бессознательное понимание события Голгофы, применяя к нему как можно меньше из развития души сознательной, через которое проходит человечество в настоящее время. Совсем недавно мы были свидетелями борьбы в сфере религиозной жизни между стремлением поддерживать, насколько возможно, только традиционное и бессознательное отношение к Мистерии Голгофы, в то время как новейшее римско-католическое течение старалось — хотя и недостаточными средствами — примкнуть к более сознательному пониманию Мистерии Голгофы. Оппозиция к духовнонаучному приближению к Мистерии Голгофы раскрывает стремления тех, кто хочет удерживать Мистерию Голгофы по возможности в бессознательных областях человеческой души.

Если мы хотим плодотворно приблизиться к пониманию, особенно необходимому для развития души сознательной, мы должны прежде всего постараться быть хорошо осведомленными обо всех аспектах в отношении собственной человеческой сущности — не путем дискуссий, но извлекая наши знания из фактов. Будем поэтому рассматривать нашу эпоху по возможности в согласии с фактами; прежде всего обратим наше внимание на те факты, которые особенно важны для души сознательной в эпоху ее развития.

В это время, в эпоху души сознательной, научный мир заявляет о себе с великой гордостью, даже с настоящим высокомерием. В некотором

смысле те, которые говорят так, имеют на это право, так как наиболее образованные люди живут в научном потоке современности. Так как не имеет значения, думаем ли мы как современные ботаники о растениях, зоологи — о животных, антропологи — о человеке; не имеет значения, какие знания извлекаем мы из антропологии, ботаники или зоологии; значение имеет лишь одно — формируют ли люди свое мышление о мире в соответствии с научным мышлением. Этому следует большинство людей, получивших хоть какое-нибудь образование и потому не вовсе безграмотных, или почти. Таким образом, люди, которых нам следует изучить, придерживаются научного образа мышления, но это не мешает многим из них прилежно посещать церковь, чтобы послушать проповедь или быть тем, что называют религиозными, благочестивыми. Ну, а теперь спросите себя, насколько это религиозное благочестие еще влияет на жизнь людей в общем, даже если они считают себя благочестивыми или думают, что должны быть ими. Религиозные чувства, развитые в области того или иного религиозного верования, чрезвычайно мало влияют на мышление о мире. Везде в современной внешней жизни, в самых широких кругах, мышление принимает научное направление. Для большинства современных людей религия — более или менее побочный интерес. Можно, безусловно, сказать, что эта современная эпоха души сознательной горда до высокомерия своими научными достижениями и своим научным образом мышления, который с ними связан. И она занимает позицию снисходительного отношения к более ранним эпохам.

Подумайте только, с какими чувствами, с какими ограниченными самодовольными чувствами вполне современный человек оглядывается на своих предков, ссылаясь на их веру в призраков. Нет необходимости опровергать утверждение, что наши предки имели эту веру! Безусловно, они ее имели. Примем это утверждение — наши предки верили в призраков, но мы настолько умны, что уже более не верим в них и обратим внимание не столько на идею, которую оно выражает, сколько на чувство, которое поднимается в нас, — чувство, которое возникает в нас, когда мы видим, как современность судит наших глупых предков, которые верили в

призраков, и уверена, что в наш научный век мы, наконец-то, оставили все это позади. Утверждение, что наши предки верили в призраков, само по себе является полуправдой и именно поэтому особенно опасно, так как полуправда часто гораздо более пагубна, чем откровенная ложь, ибо откровенную ложь можно легко обнаружить, тогда как полуправда сама обитает в мире как призрак.

Это, однако, правда, что если мы оглянемся на время до и после Мистерии Голгофы, или еще дальше — на третью Послеатлантическую культурную эпоху, то найдем, что люди, по большей части, верили в призраков и демонов, как я указывал ранее в случае великого Тертуллиана. Так действительно и было. Но была еще более ранняя эпоха, когда люди говорили о призраках, но совсем не в том смысле, в каком верили в призраки в упомянутые ранее эпохи. Во второй и третьей Послеатлантических эпохах люди говорили о призраках, но они сознавали, что эти призраки были результатом их силы представления и являлись образами духовного мира, стоявшего позади них. Таким образом, в течение длительного периода люди имели понятие о призраках, но, вместе с тем, и знание того, что позади этих призраков, видимых как образы, находится духовный мир. В их умозрительном мире с его духоподобными зрительными образами они формировали образ духовного мира. Но затем люди более или менее забыли духовный мир, а может быть, мы можем сказать, что он исчез из их видения; остались лишь образы, которые рассматривались как реальность, и отсюда возникло суеверие в отношении призраков, которое является пониженной формой этих прежних верований.

Таким образом, может быть сказано, что люди древности развивали свое сознание таким путем, что они развивали как раз те силы, которые были дарованы сознанию, и они инстинктивно ограничивали себя допущением в свои представления не чего-либо иного, как призраков. В древние времена они представляли себе богов посредством призраков, а позже приняли этих призраков за реальность. Дело не в том, что призраки были ложными: ложной была позиция человека по отношению к ним.

Тот факт, что наши праотцы постигали духов и что подобные представления являются суеверием, — это считается само собой разумеющимся современным человеком в его суждении о людях прошлых веков; он удовлетворенно облизывает себе пальцы и думает, что он очень умен. Он не доходит даже до признания, что через посредство призраков в более древние времена люди образовывали свои концепции духовного мира; так как сегодня не духовный мир интересует людей, а мир природы. Способность современных людей создавать концепции в отношении природы заставляет их чувствовать себя несравненно выше своих праотцов. Но век души сознательной предъявляет к нам иные требования, чем к нашим предшественникам; нам должно быть совершенно ясно, каково наше действительное воззрение на природу.

Как вполне современные, самоудовлетворенные люди, просвещенные, умные люди, мы, исходя из нашего сознания, образуем концепции в отношении природы. Но если мы возьмем все это множество концепций в отношении природы и испытаем их, испытаем их без предубеждения, — что ж, тогда мы найдем, что мы, безусловно, имеем концепции, но с этими концепциями мы не в состоянии охватить природу. Существуют, как говорится, границы нашего познания природы. Я часто цитировал современного философа, мало известного своими трудами, но который открыто говорил многое, чего не сказали другие, менее углублявшиеся в суть вещей. Я говорю о *Рихарде Вале*, который написал две большие книги и много разнообразных мелких. Самая большая его книга — «Общая философия и ее конец», а несколькими годами позднее он написал «Механизм человеческого духа».

Рихард Вале может быть назван глашатаем современных людей, и мы можем в действительности сказать, что так, как думает Рихард Вале, думают все те, кто идет по жизни с помощью естествознания. Они думают, как и он, но он приводит вещи к их логическому концу, и в нем мы находим странный и вопиющий случай профессора философии, пишущего огромный том о конце философии — том, в котором он стремится доказать, исходя из научных методов мышления, что не должно быть

такой вещи, как философия.

В книге «Механизм человеческого духа» этот профессор философии, этот философский писатель выражается о своих собратьях философах самым необычным образом. Вот что он приблизительно говорит: «Философы и философия походят на ресторан, в котором когда-то были повара и официанты, приготавливающие неаппетитную пищу и подававшие ее своим хозяевам; теперь же повара и официанты стоят абсолютно без дела. Так этот повар, официант или философ говорит, что ранее философия могла быть сравниваема с рестораном, в котором несъедобная пища приготавливалась и подавалась поварами и официантами — коллегами нашего профессора, а теперь получилось так, что не только не готовится больше несъедобная пища поварами-философами, но и повара и официанты стоят без дела. Естественно, так как наш автор — повар, официант или философ такого рода, он должен казаться себе стоящим без дела, совершенно бесполезно.

В этих двух книгах он поставил себе, как он думает, конечную задачу: впредь не должно быть больше философов, он будет последним. В этом глубочайший смысл его книг. Он должен быть последним философом, потому что он поставил перед собой эту задачу, — и как это может быть объяснено? Рихард Вале, официант и повар среди других официантов и поваров, ранее стряпавших неудобоваримую пищу, которому теперь нечего более делать, как вместе с другими поварами и официантами стряпать яд, который прикончит их всех, — какой изумительно интересный спектакль! Когда мы приучимся изучать симптоматически развитие истории, мы найдем это симптомом эпохи, достойным нашего внимания. Так как этот философ остроумен и глубоко насыщен проблемами научного мышления.

Далее, я глубоко убежден, что большинство из вас, взявшись за эти книги, очень скоро отложат их, так как они написаны ученым языком современных философов, а этот язык полон терминологии, непонятной для тех, кто в ней не сведущ, — сначала им нужно изучить ее. Однако те, кто может овладеть этим языком, знают или могут узнать, что в этих

книгах скрывается огромное количество изобретательности такого рода, которая возможна в наши дни, и что в этом нагромождении заключен род пророческого познания — хотя оно должно быть культивировано другим путем, отличным от его пути. Однако мы, возможно, можем сказать, что эта его характерная страсть — трудиться над стряпанием яда, о котором я говорил, для других поваров и официантов, — свидетельствует о внутренней активности этого познания, иначе, как авторитетный профессор философии, он никогда не сказал бы: «Человек обладает не большей мудростью, чем животное, и отличается от животного только тем, что животному недостает способности искать мудрости; человек ищет мудрость и поэтому он разумен, так как имеет предчувствие чего-то, чего он не в состоянии постичь».

Эти слова симптоматичны для важного познания — познания более или менее негативного характера, познания о современном естествознании. Предполагается, что это естествознание должно говорить о природе, что оно должно в некотором смысле вносить эту природу в современное сознание в форме идей. Однако, если мы посмотрим на эти идеи, образованные в наши дни о природе самым научным путем, мы найдем, как это ни любопытно, что человеческое сознание просто изобретает призраки; и если люди древности изобретали призраки, представляющие богов, сегодня они изобретают их для олицетворения фактов природы. Так как то, что современный человек представляет себе как естествознание, — это не природа, а относится к природе, как призрак относится к реальности. Рихардом Вале было угадано, что эпоха души сознательной должна прийти к следующему заключению: в конце концов, мы не так уж выше наших предков; они пользовались силами сознания и формировали свои идеи о призраках; мы также формируем идеи о призраках. Единственная разница между нами та, что у них были более прекрасные духи, чем те, которых изобретаем мы, научные мыслители, которые, по правде, ужасные сочинители абстрактных концепций. И они такие же призраки, которых рисовали себе наши праотцы. И эти призраки естествознания связаны с реальностью, само призрачное

естествознание связано с реальностью тем же путем, каким призраки древности были связаны с божественной реальностью.

Этой эпохе души сознательной следует понять, что это именно так: что жить в идеях — это то же самое, что жить в призраках. В эту эпоху души сознательной необыкновенно важно для человека посмотреть в лицо этому важному факту. Человек древности жил не в эпоху души сознательной, поэтому для него не было необходимо сознавать, что он формирует концепции о призраках, духах. Наши натуралисты также образуют концепции о призраках, но в этот век души сознательной нашей задачей является знать, что мы также формируем концепции о призраках — не концепции о природе, но только о призраке природы. И как наши праотцы, которым предшествовали их собственные отдаленные праотцы, которые принимали призраки за образы божественной деятельности, образы сверхчувственного разума, а не реальности сами по себе, так, благодаря этой эпохе души сознательной, мы должны вновь подняться к признанию истины: признать, что наши научные призраки не обладают реальностью, приписываемой им современными учеными, но **являются просто указателями реальности, которую следует искать при их посредстве.** Если мы будем обмануты призрачной природой естествознания, мы никогда не придем к ясному познанию человека. С нашими призрачными идеями мы еще в состоянии понять природу, так как природа предстает перед нашими глазами в ее истинной форме; что же касается человека, то в эпоху души сознательной мы должны познавать его сознательно. Не годится просто применять к человеку призрачные идеи, потому что тогда мы сами **обращаемся в призраков. А это случается в очень широкой степени.**

Теория эволюции, гетевская теория эволюции не ошибочна, она берет правильное направление, так как хочет овладеть человеком в его реальности. Материалистическая теория эволюции с дарвинистической окраской говорит о происхождении человека от животных. Истина, однако, такова: есть нечто в нас, что берет начало от животных, или, по крайней мере, имеет общее происхождение с животными, но это не то, в

чем мы являемся человеческими существами; это тот призрак, который естествознание принимает за человека. Наука обращает человека в призрак также и потому, что знает его только как призрачный феномен и потому спрашивает: «Откуда пришел этот призрак?» Когда мы достигнем признания того, что только с призраком, а не с человеком могут иметь дело методы современной науки, тогда мы в этой области достигнем истины. И вы, конечно, признаете, что вы никогда не пришли бы сюда, если бы не отбросили Гомункулуса — призрак, который является идеей вас самих, навязанный вам естествознанием. И если бы только Гомункулус, который представляет вас в вашем сознании, был здесь, я не был бы в состоянии говорить вам! Вы принесли с собой истинные человеческие сущности, но не в вашем сознании. Однако душе предстоит поднять в сознание истинного человека. От Гомункулуса он должен подняться до человека. Если бы этого не произошло, человек дошел бы до переживания полярной противоположности своего призрачного бытия. Правда, люди древности чувствовали себя призраками, но они также воспринимали и реальность, так как атавистические силы были еще деятельны в них, тогда как в современных людей может входить только то, что приходит через посредство души сознательной; и если в душе сознательной человек имеет только свой призрак, моральные духовные импульсы не могут проникнуть в нее. И если вы поймете сопутствующие призрачные феномены естествознания, тогда вы найдете, что это современное призрачное естествознание никогда не допустит, чтобы импульсы моральных действий опустились из духовного мира. Моральные импульсы, которыми человек пользуется сегодня, имеют первобытное происхождение, они берут начало во времена, когда атавистические силы были еще могучими; а современные люди, когда возникает импульс к действию, не спрашивают дух, а спрашивают только природу: «Какова природа человека? Лежит ли в человеческой природе такой способ напряжения сил?»

Просто ужасно, как в наше время люди хотят вопрошать только природу — а в природе они могут узнать только ее призрак. Поэтому

реальность делается деспотически активной в подсознании, требуя допуска в сознание, так как мы живем в эпоху души сознательной.

Таким образом, я сделал ясным для вас нечто важное в положении, в котором мы находимся сегодня. Я привел вас к тому, чтобы вы увидели, как это получается, что люди, с одной стороны, формируют призрачные концепции о природе и становятся научными исследователями во всех областях; затем человек в своей реальности появляется перед ними, и тогда эти люди изучают его. Но призрачные концепции естествознания недостаточны для этого, поэтому ученые являются наблюдателями не человека, а только его призрака, — психоаналитиками. **Психоанализ** — это, несомненно, дитя призрачного естествознания, поэтому я всегда говорю о психоанализе как действующем неадекватными средствами.

Здесь мы можем спросить: «Что привело к такому положению?» Это произошло благодаря характеру событий, которые сформировались в земной эволюции, вызвав совершенно определенную связь между первоначальной эволюцией человека и двумя побочными потоками — ариманическим и люциферическим. Я показал вам нормальную эволюцию в разных ее аспектах, а также два побочных потока — люциферический, влившийся в земную жизнь в Лемурийский период, и ариманический — в Атлантический. Так как эти три потока вошли в человеческую эволюцию, все, что случается в эволюции человечества, находится под их влиянием.

Как следствие всего того, что движется с этими тремя потоками, человеческая эволюция в целом пришла в некоторый, вполне определенный, год к важному перекрестку. В течение этого года все три потока слились вместе в критическом сочетании, которое маскировалось только неразберихой во внешних условиях, так что очевидна была только эта неразбериха, но не то, что в действительности происходило.

Эта важная узловая точка лежала около 666 года после Мистерии Голгофы. В это время, 666 лет спустя после Рождества Христова, должно было бы, а также и могло произойти нечто, чего не произошло. Сейчас вы услышите, на каком основании этого не произошло.

В 666 году — зримо для внешнего человечества и особенно для

западного человечества — могло прийти некое значительное существо, которое не выступило бы на физическом плане, но весьма явственно дало бы человечеству знать о себе также и внешне, так, что люди подпали бы под его влияние. Если бы это существо выступило в том облике, в каком оно само предполагало, мы бы писали сегодня не 1918 год, а минус 666 — лишь 1252, ибо это существо так инспирировало бы людей, что они в соответствии с этим упорядочили бы и свое летоисчисление. Это существо — если бы оно смогло выступить так, как это оно само предполагало, — вызвало бы нечто весьма своеобразное. Дело обстоит так: 333 годами раньше, то есть как раз в 333 году после Рождества Христова, имела место середина четвертой Послеатлантической эпохи, именно середина греко-латинской эпохи. Теперь вы можете вычислить: началась она в 747 году, окончилась в 1413 г., — это составляет, как и должно быть, 2160 лет. Если вы возьмете половину от 2160 лет, вы получите 1080 лет, так что с 747 года до середины Послеатлантического периода истекло 1080 лет. Следовательно, если мы вычтем 747 лет, то получим 333, — так что, следовательно, в 333 году нашего летоисчисления была середина греко-римского периода. Она пришлась не до Мистерии Голгофы, а по сути дела — лишь после Мистерии Голгофы, эта середина. Она означает наивысшую возможность, но, по существу, — не внешнюю реальность, ибо во внешнюю реальность входят другие потоки. Но если бы развитие совершалось прямолинейно и не приходило бы посторонних потоков, тогда это была бы настоящая середина, и это был бы высший пункт эпохи души рассудочной, или души характера. Душа рассудочная, или душа характера, должна была бы прийти здесь к своему высшему внешнему расцвету. Так не случилось, ибо уже действовал **Зверь**, который предполагал тогда проделать 333 года спустя — в 666 году — вполне определенную процедуру с человеческим развитием. Процедура, которая должна была быть проведена с человеческим развитием этим существом, **Соратом, Зверем**, должна была заключаться в том, что существо это, которое уже полностью сформировало душу сознательную, тогда как человек лишь подошел к душе рассудочной, или душе характера,

намеревалось дать человеку все душевно-духовные достижения, которыми человек тогда был не в состоянии обладать своей душой рассудочной, или душой характера, но которые он мог получить лишь душой сознательной, которая могла быть свойственна человеку лишь в более позднюю эпоху. **Как соблазн должна она была подойти к человеку — культура души сознательной.** И 666 год был, согласно мировым отношениям, самым благоприятным моментом; тогда это существо могло достичь такого влияния на Землю, что оно могло бы сказать: «Я учу людей теперь всему тому, что они смогут найти когда-то посредством их души сознательной. Я вливаю людям по каплям теперь, уже в эпоху души рассудочной, или души характера, то, что другие боги, которых я одолел, намереваются дать людям лишь в следующей культурной эпохе». Смещение неоправданным способом души рассудочной, или души характера, с душой сознательной — это и было то, что было задумано.

Это, конечно, едва ли было бы достигнуто — привести все человечество, которое ведь, естественно, находится на различных ступенях развития, к тому, чтобы уже в душу рассудочную, или душу характера, внести содержание души сознательной, но это могло бы удасться с большим числом людей. Это могло бы удасться таким образом, что — если бы это существо действительно достигло своей цели — среди людей, особенно среди западного образованного мира, объявилось бы некоторое количество **гениев**. Ибо они были бы гениями. То, что люди, которые в целом не могли бы идти вместе, которые еще отстают с развитием, узнают нормальным образом лишь в 2493 году — подумайте, в середине эпохи, которая началась в 1413 году, ибо если вы прибавите к 1413 половину культурной эпохи, то есть 1080 лет, вы получите 2493, — это вырвалось бы в тот момент наружу, — причем, не так, как у этих людей в будущем, а посредством гениальных сил предугадывающей фантазии — и смогло бы открыться ничего не подозревавшему западному человечеству.

Предполагались необычайные явления. Если вы представите себе естественнонаучные идеалы нашего времени, — люди слышат описание, сколь далеко мы продвинулись в последние десятилетия, — представьте

себе только, что смогли бы себе представить эти же люди относительно того, каким будет земной человек в 2493 году, если они уже теперь, в 1918 г., столь умны. Тогда люди не создавали бы машины и т.п., не экспериментировали бы, не плелись бы медленно, а предугадывали бы все силами гениев и сделали бы также весьма многое. Этот 666 год был предназначен прямо-таки наводнить человечество теми знаниями и культурой, которые были предназначены человечеству богами, изначально связанными с человечеством, лишь в третьем тысячелетии. Нельзя представить, да и нет необходимости представлять, в каком положении оказался бы так называемый образованный мир, если бы он был затоплен подобным образом этим 666-ым знанием. При их недостаточной самодисциплине люди окончательно опустились бы. Ибо раскройте исторические сочинения, которые, конечно, всегда лишь односторонне рассказывают о состоянии душ, которое было у людей в 666 году, и вы увидите уже, как поступали бы люди, если бы среди них имелась подобная гениальность. Они уже весьма далеко завели нас всем тем, что они развили к 1914 году; к чему бы пришли тогда люди, если бы они были наводнены теперь всей этой мудростью Зверя! Но это замышлялось определенными высокими духами, особенно одним существом ариманической природы, которое должно было руководить этими духами, которое выступило бы тогда, хотя и не на физическом плане, но выступило бы действительно.

Это должно было быть предотвращено. И сколь бы многие ни думали, что человечеству не следует отказываться ни от чего, что может быть в таком роде быть дано человечеству, — это должно было быть предотвращено, так как этого не заключалось в духовном смысле человеческого развития. Это могло быть предотвращено установлением равновесия. Подумайте: 333 год был моментом середины четвертой Послеатлантической эпохи. 333 года спустя настал 666 год; тогда ариманические власти во всей своей силе пришли бы к пределу высокомерия материалистического рода, — но силами гениев. Состояние равновесия могло быть установлено только благодаря тому, что 333

годами раньше — то есть в начале нашего летоисчисления — выступило То существо, которое ради равновесия внесло в развитие человечества свою собственную субстанцию и воспрепятствовало тому, чтобы 333 года спустя после 333 года выступило это существо, о котором я говорил.

Вы имеете тут одно коромысло весов — от 333-го года до 666 года. А тут вы имеете другое коромысло весов, которое вызывает равновесие, — от 333-го года назад, вплоть до Мистерии Голгофы:

Благодаря этому было вызвано состояние равновесия. Благодаря этому произошло нечто, что разыгралось до известной степени за кулисами обычной внешней истории. Нечто, что могло бы произойти, было предотвращено посредством того, что действительно произошло, но что может быть понято, как я объяснял на днях, лишь сверхчувственными силами, потому что все событие имело для Земли сверхчувственное значение.

Итак, что же должно было бы произойти, начиная с 666 года, если бы Зверь смог вторгнуться тогда в развитие человечества без того, чтобы до этого совершилась Мистерия Голгофы? Что могло бы произойти тогда? Вы сможете составить себе представление о том, что могло бы произойти, если обдумаете то, что я охарактеризовал недавно. Люди спешили к 15-му столетию; если бы Зверь творил свое безобразие, начиная с 666 года вплоть до 15-го столетия, тогда бы он целиком и полностью завладел тем, что приближалось. Приближалось призрачное естественнонаучное постижение мира и вместе с ним — эмансипация человеческих стремлений. Поскольку душа сознательная должна была охватить лишь призрак человека, действительный человек оставался позади; он не постигал себя. В эпоху души сознательной человек может стать человеком лишь благодаря тому, что он осознает это, иначе он останется животным, отстанет в ходе своего человеческого развития.

Но существо, которое намеревалось вторгнуться в 666 году, стремилось

сделать себя богом. Оно говорило: «Появятся люди, которые больше уже не будут направлять на дух свои взгляды, дух не будет интересовать их. Я позабочусь об этом — и ведь этого это существо достигло, — чтобы в 869 году в Константинополе состоялся Собор, где дух будет упразднен. Люди больше не будут интересоваться духом, они обратят свои интересы к природе, создадут призрачные представления о природе. И тогда я получу — чего люди тогда не заметят, потому что они не будут познавать себя как действительных людей, а как призраков, — тогда я получу все правление над душой сознательной. Я введу человека в заблуждение относительно его самого; я дам ему при этом постигать себя лишь как призрак, и я волю тогда уже в его душу рассудочную, или душу характера, всю мудрость души сознательной. Тогда он будет моим, тогда я овладею им».

Ибо что было бы достигнуто тогда? Человек, если он развивается более или менее нормально, если бы он развивался так, что тому существу при этом нечего было бы делать, должен продвигаться вперед к Самодуху, Жизнедуху, Духочеловеку; это было бы коренным образом отнято у него. По плану Зверя он должен был остаться при душе сознательной, он должен был получить то, что могла дать ему Земля, но не более того, он не должен был выйти к развитию на Юпитере, Венере и Вулкане. Если бы случилось, что он получил в надлежащую эпоху от изначально связанных с ним сил содержание души сознательной, тогда благодаря развитию, которое между тем он проделывал в нормальном смысле, в нем было бы уже предрасположение подняться к Самодуху и т.д. Но для целей Зверя этому необходимо было воспрепятствовать. Поэтому люди должны были получить душу сознательную с ее содержанием влитым, привитым уже ранее душе рассудочной, или душе характера. Тогда человек остановился бы в своем развитии на уровне души сознательной; тогда бы он был недоразумением того знания, которое было бы передано ему шестым периодом. Но тогда с ним было бы покончено; он не развивался бы дальше, оно (*знание 6-го периода — перев.*) включилось бы в его душу сознательную, все было бы включено в его внешний эгоизм, поставлено на

службу душе сознательной.

Таково было намерение существа, которое хотело появиться в 666 году, — прервать возможность дальнейшей земной эволюции. После того, как эволюция Сатурна, Солнца, Луны и Земли закончила свой ход, эволюция должна была прекратиться; человек не должен был более идти по тому пути, на котором его хотели сопровождать те существа высших Иерархий, которые с самого начала взяли в свои руки его нормальную человеческую эволюцию.

Это могло быть предотвращено только тем равновесием, тем состоянием равновесия, которое влилось в мировую эволюцию человека, тем фактом, что Христос вмешался через Мистерию Голгофы в момент, который лежал настолько же позади середины 4-ой Послеатлантической эпохи, насколько впереди нее лежал момент, в который хотел вмешаться Зверь.

Вы видите, какие связи скрыты позади внешне очевидных фактов. В эпоху души сознательной важно для людей быть просвещенными в подобных вещах — отдавать себе в них отчет. Подумайте только — мы вовлечены в то, что могло быть осуществлено только благодаря тому, что Зверь был скован Христом Иисусом, как выражается одно из Посланий в Евангелии. Это в высшей степени примечательный факт, что в этом Послании Иакова⁵, которое рассматривается как подлинное во многих ранних изданиях Нового Завета, но сочтенное апокрифическим западной церковью, есть указание на этот чрезвычайно важный факт — Христа, удерживающего в равновесии Зверя. Некоторые круги очень хорошо знали, что необходимо было утаить от западных людей, если хотели предотвратить проникновением в душу сознательную все увеличивающегося познания тайны Христа.

Если вы учтете все, что я сказал сегодня, вас не удивит, что автор Апокалипсиса говорит об этом весьма горячо. То, о чем я говорил сегодня во временном аспекте, вы легко можете связать с тем, что я сказал о Звере 666 года, с другими аспектами — эти вещи всегда освещаются в разных аспектах. Вы знаете, что мы должны делать это. Автор

---

⁵ В так называемом Протоевангелии Иакова это место отсутствует. Возможно, имеется в виду Послание Варнавы (прим. нем. издателя)

Апокалипсиса выражается со страстностью в отрывке, где он говорит о появлении Зверя, и он говорит примерно так: «Число этого Зверя 666, и это число человека». Лучше сказать: **«Это число человека — человека, который противится тому, чтобы сказать: “Не я, но Христос во мне”»**. Эти вещи должны все более входить в сознание людей, так как люди уже вступили в эпоху души сознательной.

Но только принимайте факты, каковы они еще сегодня! Не делайте из них «теткиной» критики, а принимайте их как призыв к реальной деятельности, но учитывайте, что получится, если вы будете говорить об этих вещах с современными умными людьми так, как мы только что это делали. Предположим, что вы сидите с одним из этих умных людей, светочем в той или иной области, и говорите ему о подобного рода вещах, — представьте себе, какое он составит себе мнение! Но если вы примете действительно всерьез картину, которую вы составили себе, и скажете: «Мы, несомненно, вошли в ту эпоху человеческой эволюции, в которой встречается наименьшее понимание, когда говорится о духовном познании, наиболее подходящем для этой специальной эпохи».

Я могу сказать, что никогда в мире не было двух сторон, так мало понимающих друг друга, как современные духовная и недуховная. Сторонники духовной, без сомнения, могут понять недуховных, это не особенно трудно; но недуховные защищаются всем оружием, которым они располагают, особенно языками, против какого-либо понимания духовного.

Эти факты не должны удивлять вас, так как и другие вещи в наше время выпадают из гармонии, ибо наш век — это век великих дисгармоний, великих противоречий, с прямыми конфликтами между противоположными сторонами. Если в наши дни какая-нибудь статья о вещах, которые мы здесь изучаем, попадает в руки человеку, который из числа «умных» людей, он скажет: «Просто удивительно найти все это появляющимся в наше время; это совершенно не гармонирует с современностью». Так как он находит, что его собственное мировоззрение является единственным подходящим для нашего времени; на все

остальное он смотрит как на неуместное. Завтра и послезавтра мы будем обсуждать, как все, что не гармонирует с чувственным миром, находится, однако, в гармонии со сверхчувственным.

Много и других вещей выпадают из гармонии в наши дни — вы должны только начать серьезное изучение жизни, опираясь на описательные или размышляющие доклады и сообщения, которые скажут вам: «В этом 20-ом столетии человечество прошло такой удивительной, длинной дорогой к человеческим отношениям и пониманию между народами!» С самого начала столетия вы найдете столь же высоко звучащие статьи — целые книги — тех же направлений, написанные с той же елейностью и обильно подсахаренные, так что действительно прогрессивный человек современности, рассматривая эту картину своего времени, как будто вкушает мед. И действительно много таких описаний, бесчисленных описаний о том, как великолепно прогрессировало человечество! Ну что же, сравните это с последними четырьмя годами и спросите, много ли в них сладкой гармонии.

Все это проистекает из страха людей перед входом в душу сознательную. Так как если мы действительно должны войти в эпоху души сознательной, то всплывут многие истины относительно человеческой эволюции. В важных вопросах современности проявляется столь много глупости именно потому, что люди полны страха, потому что тогда каждый должен говорить с сознательной осведомленностью, а это как раз именно то, чего они не хотят.

Пятая лекция

12 октября 1918 г., Дорнах.

Вчера мы попытались описать в соответствии с его внутренней

природой необыкновенно важный факт в эволюции человека; мы попытались описать его с непривычной точки зрения, как факт выдающегося значения. Давайте вкратце вспомним это. Я старался показать, как в эволюцию европейцев было внесено равновесие, потому что событию, которое предполагало случиться в 666 году н.э., было противопоставлено другое событие, известное нам как событие Голгофы. Я сказал, что люди находятся в ходе эволюции, предрешенной для них, в некотором смысле, теми Правителями мира, от которых человечество получило свое происхождение. Если мы будем следовать в подробностях за этой эволюцией, мы увидим, как душа занимает свое место в каждой эпохе, в которой она рождается. Мы живем в пятой Послеатлантической эпохе, которая началась в 15-ом столетии и продолжится до конца третьего и начала четвертого тысячелетия. Предполагается, что в эту эпоху человек придет к развитию того, что мы называем душой сознательной. Все дела этой эпохи указывают, в конечном счете, на задачу, которая может быть определена как совершенствование души сознательной. Печальные события, веселые события, события, которые испытывают человека, и события, которые мы можем назвать божественными дарами, благословляющими человечество, — все, что полно света, все, что полно тени в эту эпоху, все что предназначено служить цели просвещения человека в отношении самого себя и своих связей с миром. Найти сознательно свое место в мире и вследствие этого стремиться к тому, что до настоящего времени было проникнуто такими фантазиями, что не могло быть правильно узнано, стремиться достичь впервые, через самодисциплину, того, что может быть названо свободной человеческой личностью, истинного контроля воли, основанного на самовоспитании, — это будет задачей, притягивающей людей этой эпохи. В простых выражениях мы можем сказать, что все, что идет дальше таким образом, было установлено Божественными Сущностями, с которыми человек был связан, начиная от своей отправной точки. Сущностями, которые вели его от ступени к ступени и которым с двух сторон противостоят те силы, которые мы знаем как ариманические и

люциферические силы.

Теперь я скажу: предположим гипотетический случай, что Событие Голгофы никогда не происходило, что никакой Христос не решал соединить Свою божественную судьбу с судьбой земного человека, — что бы тогда произошло? Мы никогда не узнаем истинные факты истории, если будем замечать только то, что очевидно, так как тогда мы никогда не достигнем истинной, правильной оценки событий. Если, например, сегодня какое-то событие препятствует выполнению нашего дела, которое иначе мы бы выполнили, если что-нибудь помешало нам попасть в ближайший день в то место, где произошла железнодорожная катастрофа, которая могла бы быть причиной нашей смерти, — тогда нельзя сказать, что данное событие было правильно оценено, если о нем лишь осведомлены. Так как это событие, если мы рассматриваем его само по себе, может быть совершенно незначительным, однако совершенно достаточным, чтобы удержать нас от того места, где нас могла встретить смерть; и мы не можем понять это событие, если рассматриваем только то, что касается нас в этот момент. Именно потому, что люди принимают вещи так материально и интеллектуально, никогда не спрашивая, что могло бы случиться, — именно поэтому им не удается достичь понимания истинной ценности и реальности событий.

Поэтому мы задаем вопрос: «Если мы допустим, что Христос через Событие Голгофы никогда не соединял Свою божественную судьбу с судьбой человека, — что бы тогда случилось?» Я говорил вам вчера, что в 666 году по причине некоторых принятых мер, которые были тогда вполне возможны, люди могли пройти совершенно другую точку в своей эволюции; при посредстве некоторых появившихся гениев люди могли достичь огромного количества великой мудрости. Эта мудрость могла бы иметь потрясающее значение, если бы люди — как и было предназначено для них божественными Духами, связанными с их происхождением, — проходили свое развитие, постепенно получая эту мудрость в нормальном ходе событий, ожидая, как я уже указывал, несколько тысячелетий. Они получили бы ее тогда иным путем, потому что они достигли бы ее не

собственными усилиями.

Так могло быть получено преждевременно то, что люди собственными усилиями могли достичь только в ходе долгого-долгого времени. И люди не были бы созревшими для этого. И трудно представить себе сегодня, какое направление приняла бы история так называемого цивилизованного человечества, если бы это случилось. Человечество достигло бы незрелого познания, исходящего из некоторого рода инстинкта — но инстинкта гения; люди были бы ошеломлены до некоторой степени этим познанием, как бы парализованы, искалечены им, и их будущая эволюция была бы прервана. Они пришли бы к моменту развития души сознательной не естественным путем, как должно было происходить, начиная с 15-го столетия, но искусственным путем в 7-ом столетии, как бы путем прививки. Но вся эволюция Самодуха, Жизнедуха и Духочеловека была бы выброшена за борт. Люди стали бы необыкновенно совершенными, как люди Земли, но они не были бы допущены к дальнейшей эволюции. На это ссылается в таких горячих выражениях Апокалипсис, Откровение Иоанна, как на появление Зверя. Там упоминается число 666, которое столько ученых пыталось объяснить; все они более или менее упустили истинное его значение.

С целью гарантировать, что это не случится и что силы, противостоящие этому, придут на помощь человечеству, Событие Голгофы вошло в человеческую эволюцию в важную дату, после чего люди могли получать то, что притекало в их эволюцию через появление Христа Иисуса.

Есть и другая точка зрения для правильного суждения о том, что значит Событие Голгофы для человечества, его эволюции — это нечто, что придало всей эволюции Земли ее значение. Так, с целью указать значимость События Голгофы для эволюции Земли, я часто говорил: «Если бы существо с другой планеты нашей солнечной системы — существо, равноценное нашему земному человеку, но не чувствующее себя дома на этой планете — высадилось бы однажды на Земле, естественно, все показалось бы ему странным на ней». Подобное существо, внезапно

внесенное в земное существование, нашло бы очень многое непонятным, но одну вещь оно бы поняло. Если бы взяли это существо — откуда бы оно ни пришло — и показали бы ему «Тайную Вечерю» Леонардо, указав на действие Христа, оно бы своим путем получило понимание значения этого для Земли. Мы могли бы показать ему также разнообразие земных продуктов или широкий круг произведений искусства — он поймет из этого только то, что в какой-либо мере сплетается с судьбой Христа Иисуса. То, о чем я упоминал вчера, извлечено полностью из духовного познания. Только духовное познание может привести к важным фактам современной человеческой жизни. Через сверхчувственное познание того, что исполнилось в ходе времени, была открыта эта полярность между годом рождения Христа Иисуса и 666 годом. А теперь обратимся к познанию этого во внешней истории: спросим внешнюю историю, подтверждает ли она где-нибудь, что подобная вещь действительно случилась.

Так как обычная ученость не много знает об этих вещах, в ее хрониках никогда не обращалось много внимания на соответствующие события. Но когда мы знаем истину, мы находим, что даже внешняя история может привести нас к этим событиям и что тогда они бросают свет на многие важные вещи. Здесь в жизни случаются некоторые вещи, а за этими вещами стоит тот же духовный мир. Каждый, кто осознает эти связи, знает, как то или иное событие относится к своей духовной подоснове. Для каждого, изучающего, как современный человек выходит из греко-латинской культурной эволюции и смотрит только на внешние факты истории, очень многое остается проблематичным. Свет приходит от внутренних связей.

Возьмите событие, не слишком интересное для внешнего человечества, но являющееся, тем не менее, исключительно значительным событием, возьмите ту ситуацию, что в 529 году император Юстиниан запретил дальнейшую деятельность греческих философских школ, запретил светоч древнего мира — греческие философские школы. Так что то, что было впитано из учености древних времен греческими философскими школами,

что было создано Анаксагором, Гераклитом, позже — Сократом, Платоном, Аристотелем, было покончено этим указом императора Юстиниана в 529 году. Конечно, по тому, что содержится в истории в настоящее время, можно составить представление о том, почему этот император Юстиниан вышвырнул, так сказать, из Европы древнюю науку, но если честно размышляешь над этими вещами, остаешься неудовлетворенным всеми рассуждениями, которые получаешь оттуда. Чувствуется, что тут правили невидимые силы. И странно, что это событие совпадает — не полностью, но исторические факты, которые иногда бывают разделены парой десятилетий, выглядят как сопринадлежащие на более поздний взгляд — с изгнанием философов из Эдессы Исавром, **Зеном Исавром**⁶; так что ученейшие люди были изгнаны из важнейших мест тогдашнего мира. И эти ученые люди, которые сохраняли древнюю науку, поскольку она еще не находилась под влиянием христианства — то есть в 5-ом и 6-ом столетиях нашего христианского летоисчисления, — должны были выселиться. Они переселились в Персию и основали **Академию Гондишапура**.

Среди философов, в сущности, мало говорится об этой Академии Гондишапура. Но, не зная существования основанной оставшейся частью древних ученых Академии Гондишапура, нельзя ничего понять из развития новейшего человечества. Ибо то, что было перенесено из древней учености в Гондишапур мудрецами, которые были изгнаны Юстинианом и Исавром, образовало основы для необычайно значительного учения, которое давалось тогда в 7-ом столетии ученикам в Гондишапуре. Это в Гондишапуре перевели Аристотеля — древнего греческого мудреца. И то примечательное, что произошло, это следующее: Аристотель (иначе он был бы вероятно полностью утрачен) был переведен сперва на сирийский в Эдессе учеными, которые позже были изгнаны Исавром. В Гондишапур был доставлен сирийский перевод, а в Гондишапуре сирийский Аристотель был переведен на арабский. И этот перевод Аристотеля на арабский окольным путем, через сирийский,

---

⁶ Зенон Исавр — император Восточной Римской империи (474-499 гг.) из Исаврийской династии. Изгнание философов произошло в 489 году.

заключает в себе нечто весьма примечательное. Тот, кто имеет представление об изменениях, какие происходят с идеями, если их действительно переводят, пытаются перевести с одного языка на другой, тот сможет понять, что в этом — я хочу высказать это гипотетически — до известной степени могло быть заключено нечто вроде умысла, в том, чтобы брать не греческого Аристотеля, а Аристотеля, который проделал путь через сирийский в арабский язык. И затем, благодаря переводу Аристотеля, была заложена основа того, что Аристотелевы понятия явились в свете арабской души, какой она была тогда, этой примечательной души арабов, какой она была тогда, где острейшее мышление соединялось с определенной фантастикой, которая, однако, следовала логическими путями и возносилась вплоть до созерцания. И тут, в свете этого своеобразного учения, этого своеобразного воззрения, в Гондишапуре развилось некое мощное мировоззрение. Гондишапур был тем местом, где в 7-ом столетии произошло то, на что я указал.

То, на что я указал, — не фантастическое событие, это не что-нибудь, что вовсе не имело места на Земле, но в Гондишапуре уже учили тому, о чем я говорил вчера: тому, что — понятое в своей сущности — является величайшей противоположностью, величайшей мыслимой противоположностью того, что развивалось, начинаясь в Событии Голгофы. И это было определенным стремлением мудрецов Гондишапура. Этим стремлением была — и это как раз то, о чем я рассказывал вчера и на что указывал прежде — всеобъемлющая наука, которая должна была бы заменить усилия души сознательной, но которая сделала бы человека только земным человеком, отделила бы его от его подлинного будущего развития, направленного в духовный мир. Появились бы мудрые люди, но — материалистически мыслящие люди, чисто земные люди. Они бы могли глубоко прозревать также и вовнутрь духовной стороны земного мира, в сверхчувственно-земное, но они были бы отрезаны как раз от того развития в Самодухе, Жизнедухе и Духочеловеке, которое задумано для человека его Творцами. И тот, кто имеет представление о мудрости Гондишапура, тот будет считать ее в высшей степени опасной для

человечества, но, в то же время, — необычайным феноменом. И замысел состоял в том, чтобы не только прилегающую область, но весь известный тогда цивилизованный мир, всю Азию и Европу затопить этой ученостью.

Для этого были сделаны также и первые шаги. Но то, что должно было выйти из Гондишапура, было нейтрализовано, до известной степени сдержано отставшими духовными силами, которые все-таки связаны — хотя они и образуют опять-таки своего рода противоположность — с тем, что оказывало влияние благодаря Христову импульсу. **То, что должно было изойти из Гондишапура, было нейтрализовано сначала выступлением Магомета благодаря тому, что Магомет распространил фантастическое религиозное учение.** Прежде всего он, так сказать, перехватил поле деятельности у этой гностической мудрости Гондишапура в тех местах, где намеревались распространить гностическую мудрость Гондишапура. Он, так сказать, снял пенки, и тогда то, что шло из Гондишапура, влачило жалкое существование и ничего не могло предпринять из-за того, что сделал Магомет. Такова, до известной степени, мудрость мировой истории, да и магометанство правильно оценивают лишь тогда, когда в дополнение к остальным вещам знают еще, что **магометанство было предназначено к тому, чтобы нейтрализовать гностическую мудрость Гондишапура,** отнять у нее настоящую, ариманически весьма искусительную, силу, которая иначе оказала бы влияние на человечество.

Однако полностью эта мудрость Гондишапура не исчезла. Необходимо тщательно проследить развитие человечества, начиная с 7-го столетия вплоть до нашего времени, если стремишься понять, что произошло в связи с гностическим движением Гондишапура. То, чему великий учитель — чье имя осталось неизвестным, но который был величайшим противником Христа Иисуса, — то, чему он учил учеников в Гондишапуре, не было достигнуто, но нечто иное все-таки было достигнуто. Только для того, чтобы постигнуть это, необходимо предпринять тщательное изучение. Можно задать вопрос: «Благодаря чему, собственно, осуществилось современное естествознание, этот современный

естественнонаучный способ мышления?» То, о чем я сейчас говорю, неизвестно даже добросовестному историку. Этот современный естественнонаучный способ мышления, как я снова охарактеризовал его вчера, он осуществился не потому, что нечто развилось из христианства по прямой линии; нет, **современный естественнонаучный способ мышления не имеет в действительности, так сказать, ничего общего с христианством как таковым.** Можно шаг за шагом, от десятилетия к десятилетию проследить, как, хотя и урезанная, гностическая мудрость Гондишапура распространилась через Южную Европу и Африку в Испанию, Францию, Англию, а затем на континент, причем, окольным путем, через монастыри; можно проследить, как изгонялось сверхчувственное, а удерживалось лишь чувственное, удерживалась, так сказать, тенденция, намерение; и **из усечения гностической мудрости Гондишапура возникает западное естественнонаучное мышление.**

Особенно интересно изучить в этом отношении **Роджера Бэкона**, не Бэкона Веруламского, а Роджера Бэкона, который показывает, хотя он и был монахом — правда, не очень уважаемым своими коллегами, — как гностическая мудрость вливалась в него.

Людам ныне столь мало известны источники того, что действует в их душах, что надеются обладать непредвзятым естественнонаучным мышлением, тогда как это непредвзятое естественнонаучное мышление происходит в действительности из Академии Гондишапура.

Неверно, что сведения, добытые духовным видением, не могут быть подтверждены, но мы должны приступить к этому правильным путем, если в жизни внешнего опыта мы хотим показать, как возникло то, что принесено из духовного мира. В ближайшем будущем эти соображения будут чрезвычайно важны. Так как, если люди хотят вывести себя из современной неразберихи, из путаницы последних лет, они должны видеть прошлое в его истинном свете. Тот факт, что в наше время склонны смотреть на все с научной точки зрения, не имеет прямого отношения к христианству; это результат условий, которые я описал. Таким образом, в

эволюции западной культуры мы имеем эти две силы, эти два потока: с одной стороны — христианский поток, с другой стороны — поток, глубоко повлиявший на западное мышление, и который может быть изучен, если мы исследуем духовную жизнь Средневековья.

Эта средневековая духовная жизнь изучается очень односторонне. Пойдите и посмотрите на картины, на которых художники изображали, как средневековые схоластики держались в отношении арабских философов; посмотрите, как в смысле западной христианской традиции схоластики показаны стоящими со своим христианским учением и этим христианским учением попирают арабских ученых⁷. Все снова и снова тот же страстный мотив — попираание арабских ученых силою Христа.

Посмотрите на это на изображениях, которые появились, исходя из западной христианской традиции и поймете, что в этих образах живет вся страсть средневековья к противопоставлению христианства тому, что первоначально проистекло из враждебности Академии Гондипапура ко Христу, а далее распространилось по Европе через арабскую ученость. И тому, кто знает взаимосвязи, еще у **Маймонида-Рабака**,⁸ у **Авиценны** — повсюду является еще отзвук того, что я вам изобразил. Подумайте только, человек был предназначен к тому — а Мистерия Голгофы и должна была помочь ему в этом, — чтобы обрести душу сознательную, исходя из своей личности, чтобы затем восходить далее к Самодуху, Жизнедуху, Духочеловеку. Но тут он должен был получить нечто от гениальной гностической учености непосредственно через откровение, без того, чтобы, начиная с 15-го столетия, развивать в себе душу сознательную; подобно откровению, исходящему от гениев, должен был бы получить тогда все то, что иначе он должен был обрести собственной личной деятельностью во взаимосвязи с предназначенным ему, решающими для него божественно-духовными сущностями, к которым именно принадлежит также и Христос Иисус. На этом были

---

⁷ Одно такое изображение, принадлежащее Беноццо Гоццоли, находится в Лувре (прим. нем. издателя).

⁸ Маймонид, прозванный Рабаком, 1135-1204 гг, еврейский философ родом из Испании.

сосредоточены мысли таких людей, как **Аверроэс**, который постиг гностическую мудрость Гондишапура в ее приглушенной форме. Кто может в действительности понять, читая глупые, несвязные информации, дающиеся в школьных учебниках об Аверроэсе, почему этот испанско-арабский ученый сказал: «Когда человек умирает, это только субстанция его души вливается во всемирную духовность. Человек не имеет личной индивидуальности, но все то, что является душой в отдельном человеке, это лишь отражение Мировой души». Почему Аверроэс сказал это? Потому, что это часть мудрости Гондишапура, которая говорила людям, что не каждый отдельный человек будет развивать душу сознательную, но что мудрость души сознательной должна прийти к нему как откровение свыше. Тогда это было бы ариманическим откровением; а с человечеством случилось бы то, что **содержание души сознательной сделалось бы монистическим, а индивидуальное сознание, в сущности, стало бы просто видимостью**. Все, что живет в культурной эволюции Запада, освещается, когда вещи рассматриваются духовно. Теперь мы можем снова и снова спрашивать себя, во-первых: «Каким образом может иметь место развитие по направлению к душе сознательной? Оно ведь должно иметь место». Во-вторых: «Что мешает современным людям обратиться к духовной науке, которая одна может указать им путь к душе сознательной?»

Вчера я объяснял вам, как познание природы — которым современный человек неумеренно гордится — приходит к концепциям, которые отражают не природу, а только ее призрак, тень. То, что человек знает о природе, не является истиной; это призрак, и он относится к реальности природы таким образом, как призрак вообще связан с реальностью. Но ученые не подозревают призрачности природы своего знания, не подозревают и того, что то, что они знают как человека, — это не человек, а Гомункулус. Ход человеческой эволюции, начавшейся в ее современном характере в течение 15-го столетия и которая будет продолжаться до середины четвертого тысячелетия, будет таков, что человек постепенно будет все более распознавать, что он действительно стремится к ней,

скажем, в своем познании природы, и то, насколько он приблизится к реальности в этом познании. Он должен стремиться к знанию и избегать препятствий, которые встречают его на этом пути. Самое важное препятствие — мы уже описывали его с определенной точки зрения, но мы вызовем его снова перед нашими душами — возникает потому, что в наш научный век, который является детищем Академии Гондишапура, человек гонится за призрачным знанием, так как он формирует концепции о природе, из которых все духовное выброшено. И мы можем спросить: «Почему он это делает?» — потому что тогда мы получим представление о том, что человек должен преодолеть. «Почему же человек бессознательно желает этого призрачного познания природы и почему он им так горд и убежден в нем? Почему?»

Мои дорогие друзья, в тот момент, когда мы осознаем, полностью осознаем, что это познание дает нам только призрак природы, мы чувствуем побуждение поспешить к истинной реальности, лежащей позади призрака; тогда мы хотим иметь природу в ее реальности. Мы можем также характеризовать наше научное мировоззрение и со стороны следующего аспекта и сказать: «Это научное мировоззрение приходит к призрачным концепциям и удовлетворено ими, потому что верит, что имеет концепции относительно истинной природы. Оно продолжает изобретать всякого рода концепции, атомы, молекулы и т.п., чего, как вы знаете, не существует и является чистым изобретением. Оно также изобретает всякого рода законы, вроде закона сохранения энергии, закона сохранения материи, которых на самом деле не существует. Оно ищет всякого рода гипотезы для того, что не имеет существования, так как то, что оно представляет себе призрачным образом, находится в соответствии с этими природными законами. А почему делает оно все это? Потому что тайный страх, о котором мы уже упоминали, дает себя чувствовать непосредственно в глубинах души; но человек, имеющий к этому отношение, ничего не знает об этом страхе, так как он бессознателен, — я могу даже назвать его трусостью. Так как что может случиться, если он найдет в себе достаточно храбрости, чтобы спросить: «Вы хотите получить

концепцию природы, не призрака природы? Тогда вы должны поспешить к реальности». Но тогда не найдут атомов или молекул, концепций Оствальда или Геккеля; тогда найдут Аримана и его воинство! И все это станет духовным. **Каждый, кто прокладывает себе путь через истинное естествознание к реальности, обнаруживает Аримана.** Люди боятся этого, так как они думают, что падают в пропасть, когда там, где они ищут плотную материю, на самом деле нет ничего и они находят там дух. Дух, который так открывается, как один из тех, кому мы не можем молиться; мы должны защищаться против него и встречать его с полным сознанием.

Это было поистине не произвольным актом — поместить в нашей скульптурной группе Христа вместе с Ариманом и Люцифером; это сделано потому, что такая группировка связана с глубочайшими проблемами нашей современной жизни и потому, что человек должен полностью осознавать эти вещи. **Наше естествознание призрачно и должно быть призрачным до тех пор, пока у нас не достанет храбрости искать духовное в природе — но тогда мы найдем Аримана.** И наше познание души тоже не дает нам истинную душу, но только образ души. Строго говоря, мы находим не больше, чем этот образ, в том, чему учат сегодня в академиях и университетах как психологии. И этот образ затемняет нам реальность, так как когда человек исследует дальше путь, на котором возникает этот образ, тогда показывается Люцифер. Он является ближайшей духовной сущностью, которую мы находим.

В самом деле, каждый, кто может действительно проложить путь к тому, что остается сегодня от определенно направленного познания Гондипапура, даже если оно было притуплено в ходе истории, найдет, что эти методы ведут к очень точному познанию Люцифера и Аримана. Они и были на самом деле предназначены к тому, чтобы приводить к Люциферу и Ариману, а не к водительству человечества Христом Иисусом.

Что-то из этого чувствовали средневековые схоласты, когда они стремились попать арабских ученых и всегда видели себя в такой позе; и

это чувствовалось вследствие их связи с глубочайшими эволюционными импульсами человечества. То, что должно было быть открыто людям ариманическим вмешательством — вместо овладения ими этим собственными усилиями в ходе столетий, — было бы очень опасной мудростью благодаря связи ее с тремя вещами. Человек стоит на пути тяжелого достижения этой мудрости, посредством своей души сознательной, но в то время, в 7-ом столетии, она должна была бы прийти к человеку тем путем, какой я описал. Это не запретная для человека мудрость, но мудрость, к которой он предназначен стремиться под водительством Христова импульса. Три вещи, с которыми мудрость связана, это, во-первых, природа рождения и смерти. Мы уже много говорили о рождении и смерти, и из того, что мы сказали, вы знаете, что только сверхчувственным познанием может человек овладеть рождением и смертью. Через тот факт, что человек рождается и умирает, сверхчувственное проявляется в мире чувств. Смерть и рождение остаются загадками для тех, кто пытается овладеть ими просто с точки зрения чувств, так как они не чувственные феномены. Рассматривать их как чувственные феномены не согласуется с истиной; истина в том, что это сверхчувственные явления. Однако когда мы пытаемся исследовать сверхчувственно тайны рождения и смерти путем истинного наблюдения, дают о себе знать некоторые сопровождающие феномены. Прежде всего появляется сопутствующий феномен, который дает нам понять, что живя здесь, в чувственном мире, мы имеем только видимую жизнь души. На Западе люди столетиями боролись против этой истины. Мы можем проследить за их борьбой в моей книге «О загадке человека», где я говорю об этом в самом начале. Но здесь я должен высказываться осторожнее, так как эти вещи еще не могут быть сегодня даны внешнему миру; они все еще считаются парадоксальными. Вы знаете, как весь западный мир поддался влиянию утверждения, сформулированного Декартом, но в действительности восходящего еще к Августину: **«Cogito ergo sum»** — **«Я мыслю, следовательно, я существую»**. Люди верят, что в мышлении они овладевают реальностью души. Утверждение должно

звучать иначе, если мы хотим установить истину о том, как человек живет в мире чувств. Мы должны сказать: **«Я мыслю, следовательно, я не существую»**. Так как с момента, когда мы начинаем просто думать, с момента, когда мы развиваем чисто внутреннее мышление, нас больше нет. Что же тогда находится внутри нас? Это, безусловно, очень сложное явление, но сегодня и завтра оно станет для вас ясным.

Допустим, что это — человеческая жизнь, а это — то, что человек, как существо мыслящее, имеющее представления, переживает в себе в течение жизни: тогда это — только видимое, как полая труба, оно следует от рождения к смерти (см. рис.), ибо истина — она предшествует всему.

Истина находится до рождения, даже, скажем, до зачатия; в сверхчувственном мире лежит наша реальность; и на границе, где мы входим в мир чувств, пропускается только наш образ. Мы только образ нашей жизни до рождения или до зачатия, истина не в том, что нечто теперь живущее говорит с вами; только образам разрешается пройти границу. Истинно то, что продолжает в духовном мире говорить и сегодня. **Мы вечны не потому, что мы входим в существование, но потому, что и сегодня мы, поистине, то же, чем мы были до рождения и зачатия, и именно это говорит в настоящее.** Будучи вовлечены вниз, в телесное существование, мы поистине делаемся иллюзорной видимостью нашего основного существа для условий нашей земной жизни. «Я мыслю, следовательно, я не существую» — философия от Августина до Декарта пыталась покрыть мраком эту глубокую истину. Люди никогда не смогут достичь познания тайн рождения и смерти, пока преобладает этот мрак.

Так как они спрашивают: «Где имеет душа свое начало? При рождении? Где ее конец? При смерти?» Если мы признаем сверхчувственные истины, мы должны говорить иначе и сказать: «Когда душа прекращает развертывать свою жизнь души?» При рождении или зачатии. Когда душа

начинает разворачивать свою жизнь как сверхчувственная сущность? Когда мы умираем. Здесь, на Земле, эта жизнь прерывается, так что не только сверхчувственное должно действовать в нашей жизни, но мы должны также поглощать все, чего достигаем посредством наших чувственных органов, и делать это частью нашей жизни в целом. Совершенно не должен здесь стоять вопрос о фанатическом аскетизме; совершенно очевиден тот факт, что земная жизнь абсолютно необходима для жизни человека в целом. Но эта земная жизнь так важна и является под маской материальности именно потому, что **наша истинная человеческая жизнь как сверхчувственных сущностей прекращается, когда мы входим в земную жизнь, и начинается снова, когда мы живем после смерти.**

Таинства рождения и смерти начинают раскрываться только тогда, когда мы знаем, что мы — сверхчувственные существа и являемся только отражением того, что мы есть до рождения и после смерти как душевные сущности. Но тогда мы должны иметь мужество трезво посмотреть на самих себя. Если здесь (см. рис.) — только пустой тростник, только отражение, мы должны иметь мужество сказать: «Не будем ослеплены отражением, но будем с полным познанием противостоять Люциферу». Приобретение познания плодотворно для жизни; оно требует мужества, внутреннего мужества. Это следует постоянно подчеркивать. Это — первая вещь: познание, касающееся рождения и смерти.

Вторая вещь — это познание, касающееся хода самой нашей жизни.

Так как мы ошибочно смотрим на взаимосвязь души с телом — хотя эта ошибочность взгляда оправдывается теми причинами, которые вы можете найти в моем «Тайноведении», — мы имеем поэтому и ошибочную концепцию также и о ходе нашей жизни. Мы имеем ее в том же плане, как я иллюстрировал вам несколько дней назад. Вы помните, как я взял образ Отца-Рейна. Некто, стоящий на мосту в Базеле, смотрит вниз и говорит: «Вот старый Рейн ...» — Да, но что вы имеете в виду под старым Рейном? Вода, которую я вижу бегущую здесь, внизу, не стара, так как через час она будет далеко, а через несколько дней — в широком океане; вода,

безусловно, не стара, и то, что вы имеете в виду, это, конечно, не ложе реки, пробившее себе путь по земле от Швейцарских гор до Северного моря. Так что же Отец-Рейн, старый Рейн, о котором так часто говорится? Это вовсе не реальная вещь; никакой субстанции не остается в идее об Отце-Рейне. И это так же верно в отношении нашей собственной телесной природы. Эта наша телесная природа — непрерывно текущий поток, разрушающийся и восстанавливающийся жизненными токами. Ничего не остается, только форма, а она духовного происхождения. **Субстанция постоянно вливается в форму; она появляется, вливается и разрушается** точно так же, как воды Отца-Рейна.

Благодаря иллюзии, Майе, которая проникает весь внешний мир, мы не видим этого прилива и постоянного растворения и возобновления, которые являются истиной в отношении жизни, воспринимаемой чувствами. Вместо этого мы замечаем то, что появляется при рождении, — ком мяса, наполненный костями и кровью, который будет расти, пока не достигнет полного роста и будет оставаться таким до смерти. Это воспринимается таким же путем, как Отец-Рейн воспринимается как часть воды, чем он, конечно, не является; но так же, как мы можем нарисовать себе картину какого-то количества воды, простирающейся от Швейцарских гор до Северного моря, и вообразить себе ее лежащей спокойно в своем ложе, так же образуем мы и концепцию человеческого тела. Оно постоянно течет, хотя мы и верим, что оно нечто твердое — трудно найти для этого подходящее хорошее слово, — нечто твердое между рождением и смертью. Если мы имеем правильное видение самих себя, мы должны видеть постоянный прилив и никогда не сможем предположить, что этот постоянный прилив имеет какое-нибудь отношение к нашей истинной сущности. Но если бы мы могли видеть основные силы растворения, которые здесь постоянно работают, мы приобрели бы познание медицины, духовное медицинское познание, которое, безусловно, имеет форму, отличную от формы нашего современного медицинского знания. Вы не получите правильной идеи духовного медицинского познания, если вы говорите: «Да, действительно,

вот так болезнь может быть излечена!» Болезнь не может быть вылечена тем путем, который предпочитают люди в наше время. Все, что мы делаем с помощью духовного медицинского познания, — это стремимся сохранить неповрежденными силы исцеления. Подлинная терапия заключается в таком направлении жизни, чтобы человек был подлинным хозяином сил, осуществляющих постоянное выделение, растворение и возобновление в его организме. Мы не будем нуждаться в химических медикаментах, если каждый отдельный человек будет не только знать, как пользоваться этим господством над самим собой, но так будет жить со своими ближними, что это будет принято всем человеческим родом. Я часто упоминал об этом. И это вторая вещь.

Третья вещь, связанная с этой мудростью, — это истинное естествознание. Что такое истинное естествознание, мои дорогие друзья? Я часто подчеркивал, что духовная наука не враждебна современной форме естествознания, но она понимает, что это естествознание не дает всей правды о природе, оно дает только призрак, тень. Не имеет смысла бороться с этим призраком — уже по нашим человеческим задаткам мы должны терпеть призрак. Бесплезно измышлять яд, подобно философу Рихарду Вале, в истории, которую я рассказывал вам вчера, — даже если это яд, предназначенный только для разрушения философии, философский яд, не более. Бесплезно измышлять любой яд, чтобы избавить мир от тех, кто думает научно; весьма полезно определить, насколько они правы. Мы скажем ученым: «Раз уж вы настаиваете на точности ваших исследований, мы полностью с вами соглашаемся, но в то же самое время вы должны признать, что благодаря этим исследованиям, которые столь точны с научной точки зрения, вы приходите к концепциям только о призраке природы, но не о реальности природы. Но мы должны пробиваться к реальности; это как раз и есть именно задача эпохи души сознательной. Естествоиспытатель скажет, что он имеет ту или иную причину не давать своему знанию о природе становиться призрачным, духовный исследователь должен возразить: «Но вы совершенно правы, имея призрачное знание о природе. Так как если вы начнете искать

какую-либо субстанцию природы за пределами призрака, вы будете неправы; вы правы лишь, если за призраком вы ищете ариманическое, если вы ищете за ним духовное. Поэтому вы правы в поисках призрачного знания». — То, что я сказал вам относительно телесной природы человека, принимает решительно призрачный характер. И каждый, кто правильно смотрит на природу с высшей точки зрения, замечает как истинный естественный феномен, относительно которого у него нет иллюзий, нечто совершенно иное, нежели те явления, которые обычно приводятся в качестве устойчивых природных явлений. Необыкновенная вещь — больше я скажу об этом завтра, — что, несмотря на все, мир, в некоторые моменты, всегда указывает на истину. Иногда указатель истины может быть найден, если люди хотят узнать, что они должны думать о реальности естественных феноменов, которые открыты нашим чувствам со всех сторон.

Что должны мы тогда искать? Есть ли что-либо в самой природе, чтобы информировать нас? Да, есть: например, радуга; радуга — это истинный образ естественного феномена. Только подумайте — вы, конечно, знаете это, — если вы можете добраться до радуги, вы совершенно спокойно пройдете сквозь нее; она вызвана просто взаимодействием некоторых процессов. Так же призрачны, нереальны все процессы природы, только это не замечается; они не то, чем они кажутся глазу, уху, другим органам чувств; они являются комбинированным результатом других духовных процессов; мы ходим по земле, веря, что под нами твердое вещество; в действительности это то, что мы воспринимаем, как в случае с радугой, — и когда мы думаем, что мы идем по твердому грунту, это Ариман, направляющий силу снизу вверх.

Как только мы освобождаемся от того, что является просто нереальным, призрачным, мы встречаем духовное. Другими словами, все поиски так называемой плотной материи в действительности совершенно бессмысленны. **Как только человек прекратит искать нечто грубо материальное как основу природы — а к этому он придет до четвертого тысячелетия, — он найдет нечто совершенно**

отличное: он откроет везде в природе ритмы, ритмический порядок. Эти ритмические порядки присутствуют здесь, но, как правило, современная материалистическая наука смеется над ними. Мы дали художественное выражение этому ритмическому порядку в наших семи колоннах, во всей конфигурации нашего Здания⁹. Этот ритмический порядок наличествует во всей природе. В растении один лист следует за другим в ритмическом росте; лепестки цветка ритмически расположены, все имеет ритмический порядок. В болезни лихорадка имеет ритмический ход; вся жизнь в целом ритмична. Распознавание природных ритмов — вот что будет истинным естествознанием.

Учась понимать ритмы в природе, мы можем даже прийти к некоторому приложению ритмичности в технологии. Это будет целью будущих техников; будут использоваться гармонично сочетающиеся вибрации; они будут незначительными вначале, но, воздействуя друг на друга, будут все шириться и шириться, и, таким образом, просто благодаря резонансу может быть выполнено огромное количество работы.

Завтра я покажу вам в подробностях, почему было поистине мудро со стороны христианского мирового порядка, который в этом смысле является мудрым божественным мировым порядком, дать человечеству созреть в ходе столетий для знания, о котором я вам только что говорил, в то время как Академия Гондишапура хотела навязать его людям. Так как люди должны иметь еще иные цели, если это познание должно прийти к ним. Такие формы познания могут быть дарованы человечеству только тогда, если одновременно с развитием в их направлении приходит к жизни так широко, как это только возможно, в связи с нашим третьим пунктом, полностью бескорыстный социальный порядок. Никакая ритмическая техника не может быть введена без вреда для человечества, если в то же самое время не стремиться к бескорыстному социальному порядку; эгоистическому обществу это принесет только зло.

В связи со вторым пунктом я упоминал, кроме того, о силе, которая связана с целительным могуществом. Я говорил, как можно прийти к

---

⁹ Первый Гетеанум, позже разрушенный пожаром.

видению процессов растворения и возобновления, выделения и ассимиляции, происходящих под влиянием этой силы. Как я говорил с других точек зрения, эта сила не может быть дана человечеству, пока в то же время не будет достигнут прогресс в других направлениях. Люди должны сначала культивировать строгую совесть в отношении не только внешне видимых вещей, но также и в отношении вещей, внешне невидимых. Они должны научиться контролировать не только то, что видимо, но под руководством сознания — также и свое мышление и чувство. Так как с познанием этой силы, которая скрыта вследствие того, что мы видим поток нашей жизни между рождением и смертью в виде твердого тела, с господством над этой силой может быть принесен большой вред, если она не будет развита в свете строго ответственного сознания, даже в отношении того, что не явно.

И третья вещь будет соответствовать моему первому пункту — познанию таинств рождения и смерти. Эти таинства рождения и смерти так же предполагают, что человек сначала достигнет некоторой зрелости; они предполагают, что человек будет действительно сознательно противостоять Ариману и Люциферу. Каждый, кто знает, как можно набросить тень на значение того, что имеется в виду первым пунктом, осознает следующее, что я поставлю перед вами в заключение; завтра мы скажем об этом больше. Он осознает следующее: можно изучить естествознание как чисто призрачное познание и не знать, что это просто призрачное познание; возможно довольствоваться тем, что является неистинным познанием. Это полезно: кому-нибудь это помогает, это действительно помогает, так как тогда не стоишь перед опасностью приблизиться к Ариману. Вы можете сделать Аримана невидимым для себя, но тогда вы должны будете накапливать знание природы просто в современном смысле, в котором нет истины. ***Оставаться при естествознании, то есть при том, что не истинно, — это хороший барьер против Аримана.*** Но вы должны выбирать: или вы стремитесь к истине (в этом случае вам придется познакомиться с Ариманом, работающим сверхчувственно в мире), или вы можете

придерживаться того, что не истинно. Если вы культивируете то, что ложно, вы скажете: «Призрачное познание природы дает нам истинную природу». Очень хорошо, тогда удовлетворитесь тем, что подходит Ариману; он хочет лжи, он живет ложью. И он действительно может очень хорошо жить этими скрытыми обманами, ничего не может быть для него приятнее, как поддерживать ложь, что призрачное познание природы является истинным познанием природы.

Кроме того, я говорил о том, что является просто видимостью сверхчувственного; я описал вам отражение, которое пропускает насквозь. Здесь также есть выбор. Мы можем проникнуть в сверхчувственное, но тогда мы должны посмотреть (конечно, духовно) в глаза Люциферу. Или мы должны придерживаться того, что ложно и принимать видимость души за ее реальность. Но, однако, тогда мы никогда не поймем рождения и смерти или бессмертия, так как тогда мы будем смотреть не на душу, бессмертную душу, а только на ее видимость. Вот это я хотел поставить перед вашими душами в порядке введения. Завтра мы пойдем отсюда дальше.

Вы можете видеть, как важны эти мысли. В этот век души сознательной человек имеет выбор — стремление к истине, которое требует от него с мужеством встретить духовное, или избежать духовного, когда он может остаться в иллюзорном, держась за неистинное. Академия Гондишапура хотела избавить людей от стремления к истине, избавить их от усилий дальнейшей эволюции, поэтому она желала открыть им то, что она сама получила как ариманическое откровение. Академия Гондишапура — последняя тень, призрак которой остается в научных иллюзиях современности, хотела сделать человека полностью земным существом. Эти устремления были преодолены тем, что предназначалось для человечества с самого его начала — Мистерией Голгофы. Об этом далее — завтра.

ПРИМЕЧАНИЕ

О Гондишапуре

Город Гондишапур был основан персидским царем Шапуром I (224-241 гг. н.э.) несколько восточнее нижнего течения реки Тигр. Здесь в 276 г. был предан смерти Мани — основатель манихейства. При Сасанидах (персидской династии, правившей с 226 по 651 год) он был столицей провинции Хузистан. Академия Гондишапура начала свою деятельность при царе Хосрове I (531-578 гг.), который, будучи почитателем греко-римской культуры, стремился завести у себя академию, подобную Александрийской, и оказал гостеприимство философам, изгнанным Юстинианом в 528-529 годах. Еще раньше здесь осели изгнанные из Эдессы, согласно постановлениям Халкидонского собора, несториане. Седьмой век был периодом высшего расцвета Академии. В следующем столетии, после основания в 762 г. столицы Арабского халифата — Багдада, ко двору Гарун аль Рашида были привлечены и ученые из Гондишапура. В настоящее время местонахождение прежнего Гондишапура отмечают развалины, именуемые Шахабад. (Составлено на основании справки в английском издании настоящих лекций).

Шестая лекция

13 октября 1918 г., Дорнах.

Вчера мы видели, как настроение души, к которой в эту эпоху души сознательной мы должны стремиться, до некоторой степени подготавливалось исторически. Давайте уясним себе относящееся сюда положение во внешнем мире. Мы можем, до известной степени, сказать: 333-й год после Рождества Христова представляет своего рода равновесие, отчетливо ощущаемое в ходе исторических событий, но очень мало фигурирующее во внешней истории по той простой причине, что дела, вращающиеся вокруг него и действительная точка опоры — это считается

правильным даже в механическом движении — не принадлежат к движущейся системе. Возьмите пару чашек весов. Вы видите движение чашек и коромысла, но сама точка опоры — это идеальная точка, нечто, чего мы в действительности не можем видеть. Однако это очевидно самая важная часть весов и необходимо должна иметь должную опору.

Для нас особенно необходимо охватить то, что случилось в этом важном 333-м году, так же мало замеченное внешним миром, как точка опоры весов. 333-й год в самом деле ось четвертой Послеатлантической эпохи, той важной эпохи, которая развертывается, начиная с 747 года до Мистерии Голгофы, когда был основан Рим, и приблизительно до 1413 года, когда греко-латинская эпоха закончила существование и началась та эпоха, которая будет продолжаться далее до конца 4-го тысячелетия и которая является эпохой души сознательной. Когда мы рассматриваем внешние события, эта ось 333-го года столь же мало очевидна, как и ось весов. Но мы можем указать на нечто 333 года спустя — 666 год. Об этом годе мы можем сказать, что то, что позднее развилось как научный метод мышления, уже было очевидно в деятельности Академии Гондишапура, притупленное впоследствии магометанством. Мы вчера пытались проследить, как некоторое умонастроение, или душенастроение, распространилось по Южной Европе и стало затем типично научным настроением, которое все еще наполняет собой современное естествознание и которое довольно широко распространено в современном образе мышления. Итак, 333 года прошло, начиная с того времени, когда люди еще, так сказать, оглядывались на старое время, когда были люди, подобные Юлиану Отступнику. До 666 года было 333 года; если мы пойдем назад, возьмем другую чашу весов, то есть встанем на 333 года назад, мы придем к Мистерии, подготавливающейся через рождение Христа Иисуса.

Все эти события мы, по существу, рассмотрели так, что сказали: что

случилось бы в развитии человечества, если бы не было Мистерии Голгофы? Ибо все основание Академии Гондишапура и все то, что она вызвала, это ведь произошло независимо от Мистерии Голгофы. Философские школы в Афинах до известной степени вступили уже в отношение с христианством. Однако Юстиниан закрыл их в 529 году. Чисто греческая мудрость перешла через Сирию в Гондишапур, в новоперсидское царство. А все остальное, что присоединилось сюда — если оно не было приглушено, если это было то, что, в сущности, замышлялось Гондишапуром, — мыслилось, исключая христианство, исключая Мистерию Голгофы. В действительности ничего не случилось без того, чтобы, начиная с нулевого года нашего летоисчисления, там не действовал импульс Мистерии Голгофы; но замышлялось, естественно, весьма многое.

В самом деле, мы можем сказать, что даже импульсы, действующие в нехристианских душах в течение четвертого столетия, во время поворотной точки, могут быть видимы в их сущности, только если мы спросим: «Что стало бы с эволюцией человечества на Западе, если бы Мистерия Голгофы никогда не имела места?» Это может быть изучено, даже исторически, — например, в случае Августина, который показал будущим людям, для размышления, две свои стороны. Вначале он был совершенно независим от христианства, пытался найти в манихействе ответ на проблемы, тяготевшие над ним, и только после был привлечен к христианству.

Мы можем пойти еще дальше, и тогда возникает значительный вопрос. Предположим, что мы оглядываемся на человеческую эволюцию периода Мистерии Голгофы и спрашиваем: как было во всех областях, не затронутых событием в Палестине Мистерией Голгофы? Ведь, в сущности, вне узкого круга деятельности самого Христа это были все области Земли. Как смотрели люди на вещи, особенно в Риме, когда позднее распространялся импульс Мистерии Голгофы и становился особенно действенным.

Этот вопрос имеет особенную важность для нашего времени, это в наши

дни поистине не теоретический вопрос: как обстояло дело в Риме, когда в Палестине совершалась Мистерия Голгофы? Ибо вскоре мы увидим, как сходным образом — но только в несколько иной сфере — именно наше непосредственное настоящее есть время, которое можно рассматривать как время Мистерии Голгофы. Мы никогда не должны забывать нечто, что очень легко забывается, когда мы оглядываемся на это время: мы постоянно должны переноситься — это должно происходить из душевной потребности — в культуру древней Римской империи, где было совершено неизвестно то, что по ту сторону (в Палестине) появилась одна человеческая личность с небольшим числом последователей, личность, Которая прожила определенную жизнь, претерпела смерть распятием и с Которой связаны познания, важные познания родившихся после Ее смерти людей, о рождении и смерти. Мы должны постепенно приучать себя к идее, что хотя это событие, которое сегодня проливает свои лучи на историю человека, как полностью взошедшее Солнце, произошло в начале н.э., оно развивалось в то время таким путем, что в мире мало было известно как внутренне, так и внешне о Палестинской Мистерии Голгофы. Отсюда возникает вопрос: «Как смотрели на это, в особенности в Риме?»

Мы лучше поймем себя, если будем исходить из того, к чему позднее, в 666 году, стремились те умы, которые преимущественно вызвали к жизни Академию Гондипапура. Как я сказал вчера, то, что могло лишь позднее быть достигнуто душой сознательной посредством собственной работы людей, намеревались дать людям посредством откровения, которое получали ариманическим путем. Ведь в 666 году была еще эпоха души рассудочной, или души характера; люди тогда сами собой не могли думать таким образом, чтобы быть сознательными относительно всего. Но это намеревались дать им: хотели преждевременно дать человечеству то, что должно было наступить лишь тысячелетие спустя. Противоположным образом обстояло дело, полностью противоположным, в нулевом году, в эпоху, когда разыгралась сама Мистерия Голгофы. 333 года спустя после 333 года человечеству вознамерились дать нечто, принадлежащее

будущему, нечто, предназначенное для него лишь в будущем. 333-мя годами ранее, то есть как раз во время Мистерии Голгофы, намеревались оттеснить человечество к тому, что согласно нормальному развитию людей вступило в развитие человечества на тысячелетие ранее.

Очень трудно, мои дорогие друзья, говорить об этих вещах, потому что история, которая сама имеет историю, развивалась таким путем, что в этих вопросах люди были вовлечены историей в заблуждение. События в южных районах Европы — события с важными последствиями — были тщательно скрываются; людям не позволялось знать о них. В исторических книгах описывается, например, личность Августа, первого римского императора. Но в каком смысле был он важной, резко действующей личностью — понимания этого не давалось, с некоторой стороны намеренно, но по большей части бессознательно. Император Август был самым центром сознательного римского стремления осуществить широко раскидывающуюся в мире форму цивилизации, которая набросила бы покров на все, что принесла человечеству душа рассудочная, или душа характера, — на все, чего люди могли достичь в области культуры собственными усилиями, начиная с 747 года до Р.Х. Главным образом люди должны были быть ограничены тем, чего они достигли для себя до эпохи души рассудочной, или души характера, — то есть примерно в эпоху главным образом души ощущающей, в египетско-халдейские времена.

Таким образом, в 666 году мудрецы Академии Гондишапура желали привнести в более раннее время то, чему предполагалось прийти позже, а во времена императора Августа стремились уничтожить то, чего люди могли достичь в свою собственную эпоху. Вместо того они должны были иметь в его древней славе и значении то, что было свойственно людям более ранних времен, времен древней Персии и египетско-халдейской культуры. И когда сквозь все эти заросли, нагроможденные в истории, мы оглядываемся на реальность, мы должны спросить: «Среди некоторых римлян было преднамеренное желание сохранить нечто из прошлого, и этот проект был расстроен христианским импульсом, — что же именно

хотели сохранить римляне?»

По преимуществу это было двойственной природы. Главным образом было желание сохранить ощущающее чувство для древних культов, культов, которых за тысячелетия были привычными среди египтян, в Малой Азии и глубже, в сердце Азии. Целью было сделать бездеятельной способность к разумному пониманию и допустить расцвет только души ощущающей. Это должно было быть сделано, представляя все значение, возвышенность, могущество ритуалов, которые доказали себя действенными в прежние времена, прежде, чем люди приобрели разум, и когда культы богов возникали из души ощущающей так, чтобы люди не оставались без богов. Тогда действительно были великие, исполненные значения культы, которые должны были заменять размышление, — культы, которые в соответствии с древним атактистическим обычаем должны были побуждать душу в полугипнотическом состоянии к оживлению сознания Бога и благочестия. Ощущение этого снова хотели оживить в Риме.

Со специфическими различиями между римским началом и греческим началом, которое, однако, в то время приближалось к своему уничтожению, можно познакомиться, лишь если обратить взгляд на эти более тонкие различия. Этого ощущения, которое, в особенности император Август с его могучим, обращенным в прошлое, посвятительным импульсом, намеревался возбудить в Риме, этого импульса еще не знали по ту сторону, в Греции. Грек не стремился вернуться в старые времена. Грек стремился иметь перед собой то, что он мог бы постигнуть сам, с чем он мог бы соединиться. И если бы позднее не пришел христианский импульс, если бы он не пришел вскоре, христианский импульс не подействовал бы столь быстро против намерений Августа и его преемников, из Рима проистекло бы тогда еще более великое блистание культовых действий, нежели из него уже проистекло.

Итак, будем придерживаться одного: согласно намерению Августа и его приверженцев из Рима, — подобно тому, как позднее из Академии Гондишапура должна была произойти более поздняя пророческая

мудрость, — из Рима должен был произойти могучий культ, который заволок бы туманом весь мир, отняв у него как возможность души рассудочной, так и возможность более поздней души сознательной.

Если Академия Гондишапура хотела прямо дать человеку душу сознательную с целью отсечь то, что должно было прийти позднее, — отсечь Самодух, Жизнедух и Духочеловека, — то Август и его сторонники в Риме не хотели, чтобы душа сознательная была вообще когда-нибудь достигнута. Они хотели (за 333 года до поворотной точки) уничтожить всякую возможность души рассудочной, или души характера, и поставить перед человечеством могущественные ритуалы, предназначенные к тому, чтобы привести душу к сознанию Бога. Это было одной стороной, которую предполагалось ввести в соответствии с желанием посвященного Августа.

То, что является душой рассудочной, или душой характера, всегда обладает двумя аспектами. Один из аспектов — это, в сущности, та сторона души рассудочной, или души характера, которая склоняется к душе ощущающей. Вы знаете, что если расчленять, то мы имеем душу ощущающую, душу рассудочную, или душу характера, и душу сознательную. Первой, которая развилась прежде всех, является душа ощущающая, чье развитие закончилось в 747 году до нашего летоисчисления. Душа рассудочная — это та, что развивается, начиная с 747 года вплоть до примерно 1413 г. после Р.Х. (это приблизительные числа), а с этого времени идет эпоха души сознательной. Так что средняя душа рассудочная, или душа характера, склоняется в сторону души ощущающей, если она стремится проникнуться древним, как только что это было показано. Август стремился оживить ощущение, которое должно быть добыто из души ощущающей. Что же остается тогда благодаря тому, что душу рассудочную, или душу характера, ослабят, исходя из души ощущающей, что же останется тогда из той части, которая склоняется — она, конечно, еще не развита, но она уже существует — к душе сознательной из более интеллектуального чувства? Необходимо поставить вопрос, и в эпоху Августа его необходимо было поставить как великий вопрос культуры. Что произойдет с тем, что стремится развиться в душу

сознательную, если это развитие пресекут, если душе рассудочной, или душе характера, не дадут развиваться дальше? Что станет тогда из того в человеческой душе, что хочет устремиться к душе сознательной? То, что устремляется к душе ощущающей, это удовлетворяют — более, чем допускает мера нормального человеческого развития — посредством культа, который обновляют. Но что дают тому, что устремляется к душе сознательной? Необходимо лишь назвать слово, упоминать которое всегда избегают в этой связи, чтобы не пролить верного света над определенным фактом развития человечества с того времени, — в этой связи нужно лишь назвать слово и уже обрести понимание. На другой стороне души, от которой хотят отделаться, усиливая ее ощущающую направленность, с помощью культа, — на другой стороне получают **риторику**, которая вместо проникнутости души субстанцией, внутренним содержанием, дает лишь шелуху, которая стремится лишь к форме слов, к конструкции предложений там, где должны были бы править живые понятия.

Да, мои дорогие друзья, в Риме развивалось под влиянием Августа нечто отличное от чего бы то ни было, испытанного ранее в Греции. Как бы ни была похожа римская одежда на греческую, римлянин в складках своей тоги не чувствовал себя так, как чувствовал грек; тога рассматривалась как одежда, которая должна быть декоративной. Отблеск культового почитания сохранился даже в ниспадании складок римской тоги в противоположность греческому одеянию. И можно почувствовать сильную разницу — если только люди ощущают эту разницу — между Демосфеном, который заикался, но, однако, выразил греческую природу, хотя и не риторически, и римскими риториками, среди которых не было заик, но были люди, которые хорошо понимали, как сформулировать порядок слов и структуру фразы.

От этой эпохи Августа пришло желание дать человечеству, с одной стороны, непонятные древние культы; здесь действительно была попытка удержать людей от их понимания, даже от вопросов о том, что эти ритуалы обозначают. Это положение до сего времени преобладает еще в различных областях. Даже сейчас есть «свободные каменщики», которые

рассказывают весьма любопытные вещи. Например, этим масонам говорят: «Вы имеете обширную символику. Эта обширная символика включает в себе очень многое, но современные масоны даже не беспокоят себя тем, что, собственно, эти символы значат». Если людям говорят так, они отвечают: «Это как раз именно то, что я нахожу прекрасным в современном масонстве: каждый может думать, что ему нравится об этих символах». Особа такого рода по большей части полагает, что ее простодушие позволяет ей мыслить, но это далеко, очень далеко от глубокого значения символов — значения, которое уводит нас глубоко в сердца и души людей.

Именно это как раз и хотели ввести в Риме в тот период — культ, о значении которого никаких вопросов не задавалось бы, ритуал, к которому не приближались бы с разумом и волей. Другой полюс, неизбежно связанный с этим, — это риторика, лишенная содержания риторика, которая не только пускала пыль в глаза в речах, которая как риторика вошла в законы Юстиниана, а позднее наводнила западный мир так называемым Римским правом. Это Римское право имеет такое же отношение к тому, что должно действовать в душах, приближающихся к развитию души сознательной, как риторика — к теплой, душевной субстанции речи. Холодность, присущая Римскому праву, является причиной того, что мир Римского права относится к теплоте души так же, как риторика относится к тому, что высказывается с душевным теплом и светом — даже если говорится заикающимся языком.

Мои дорогие друзья, тот факт, что ничего из задуманного Августом в этом отношении не пришло к полному осуществлению, является результатом влияния Мистерии Голгофы, притекшим с Востока. Однако точно так же, как последствия учений Академии Гондишапура сохранились в нашей современной науке, так и выявившиеся позже результаты того, к чему стремился Август, были сохранены. Они более не могут прийти к завершению в предполагавшейся форме, так же как Академия Гондишапура не может достичь своей цели. Ведь просто сверхчувственное было изгнано из импульса Академии Гондишапура, и

это все еще очевидно в научных направлениях нашего времени. Но ведь сверхчувственное было изгнано из того, к чему стремился Август, — во всяком случае, величественный сверхчувственный элемент, с помощью которого он хотел осуществить истинное возрождение древних религиозных чувств души ощущающей. Сверхчувственное было изгнано, а из того, что осталось — и что во время Мистерии Голгофы основывалось главным образом в Риме, — остался только католицизм, католическая церковь, так как католическая церковь является продолжением, истинным продолжением эпохи Августа. Тот факт, что католическая церковь приняла ту форму, которую она имеет, является результатом того, что она основана не на Мистерии Палестины, не на Мистерии Голгофы. Только дыхание их прошло над ней. И в ее ритуалы вплетены только некоторые нити, происходящие от Мистерии Голгофы; ее формы и церемонии пришли от эпохи души ощущающей.

В основе этого ритуала есть нечто поистине великое, поистине святое, потому что он вносит святость, которая с первобытных времен была вплетена в человечество (все имеет свой великий и могущественный аспект и не должно только развиваться односторонне), но мы должны правильно относиться к этому центральному моменту, к жертве мессы, потому что она является образом величайших Мистерий всех времен, но только тогда, если жизнь внесена в то, что мертво и было предназначено для эпохи души ощущающей. А жизнь должна прийти от всего того, что антропософски ориентированная духовная наука может сказать в наше время в отношении Мистерии Голгофы. Все, что снова в нормальном ходе развития человечества обретено с помощью духовного исследования, можно внести в то, что из намерений Августа законсервировано в католичестве, точно так же, как в то, что — огрубевшее в чувственном — осталось от намерения Академии Гондипапура, нужно внести то, что духовная наука может извлечь из духовных миров. В естествознание должен вступить дух, в таинства, которые человечеству надлежит снова обрести, должен вступить дух.

Веское, важное содержание того, о чем я только что сказал, может быть

понято только теми, кто почувствует — а каждый, кто изучал хоть какое-то время духовную науку, может почувствовать, — как сходна наша эпоха в том, что по большей части бессознательно живет в душах, со временем, когда Мистерия Голгофы приближалась к человечеству. Я часто упоминал — и вы найдете это в моей первой драме-мистерии, во «Вратах посвящения», — что как тогда, в надлежащее время, во время Мистерии Голгофы, люди стояли перед этим поворотным пунктом четвертой Послеатлантической эпохи, 333-м годом, так и сегодня мы стоим перед важным поворотным пунктом. Время несколько короче, потому что меняется скорость движения высших духов; мы не можем рассчитывать, что перед нами еще 333 года до поворотного пункта. В течение времени нечто меняется, меняется скорость, с которой движутся далее отдельные Духи Высших Иерархий. Таким образом, теперь, в первой трети 20-го столетия, мы стоим перед приближающимся важным для человечества событием. И все потрясения, все катастрофы — это не что иное, как похожие на землетрясения процессы, предшествующие великому духовному событию 20-го столетия. Это не будет событием в физическом мире, но событием, которое придет к людям как род озарения, которое придет раньше, чем закончится первая треть 20-го века. Его можно назвать, если только слова эти не будут неправильно поняты, новым появлением Христа Иисуса. Но Христос Иисус появится не во внешнем теле, как во время Мистерии Голгофы, а как действующий в человеке, и его будут сверхчувственно ощущать: Он находится в эфирном теле. Те, кто готовит себя к этому, могут постоянно ощущать Его в видении, постоянно получать Его советы; в некотором смысле они смогут войти в непосредственное, личное отношение с Ним. Все то, что предстоит нам, таким образом, сравнимо с тем, что чувствовали римляне перед эпохой Августа как физически реальную Мистерию Голгофы, которая приближалась. Но, мои дорогие друзья, для подобных вещей необходимо иметь истинное чувство. Перед лицом происходивших различных внешних феноменов, которые привели в конце концов к этой ужасной мировой катастрофе, мы можем почувствовать, как тяготение к религиозным

ритуалам снова существует в людях. Оно подходило медленно. Только подумайте и рассудите — но прошу вас, с глубоким вниманием, — как в течение более столетия тонкие умы повторно ощущали это побуждение уйти от прозаичной, рациональной рассудочности протестантской религии к ритуалу. Посмотрите, как такие же умы среди писателей-романтиков, которые были в состоянии почувствовать значительность ритуала для души, стремились к католицизму. Они стремились к католицизму, так как не были еще в состоянии достичь просвещения от духовной науки в отношении того, что стремилось священо войти в мир. Такие умы, как **Новалис** — и именно потому, что особо глубокая духовность возникла в нем в сравнительно юные годы, он являлся специфически характерной личностью, — такие умы, как он, не удовлетворились прозаическим протестантизмом и стремились к формам католицизма, но были, однако, достаточно здоровыми натурами, что оградило их от перехода в католицизм. Такие умы дают выражение того, что должна бы выразить наша эпоха, если бы она была здорова, — стремление снова почувствовать в мире нечто священное, нечто соответствующее ритуалу. Но для них было бесполезно то, что просто вовлекало их в старый культ, как это часто делается теперь, когда появляются невсхожие семена, когда появляются духовные инвалиды, — среди них я, конечно, помещу моего некогда старого друга — **Германа Бара**. У этих инвалидов душевной жизни мы видим, как они склоняются также и в нынешнюю эпоху к ложно понятному католицизму Германа Бара, Шелера, Бернеса фон Мюнхгаузена. Все эти люди — они очень многочисленны и я знаю многих из них в слабости своей духовной жизни они стремятся к католицизму. Такое состояние души хорошо понятно, оно происходит оттого, что эти люди, будучи не в состоянии сделать усилие к жизни души, к внутренне активной, подлинно, мужественно активной душевной жизни, так как их душевная жизнь стала инвалидом, обращаются к тому, что предлагается им в уже завершенном виде. Это пронизывает все книги Шелера по мифологии, которые очень остроумны, и все мифологические сочинения последнего периода Германа Бара и т.д.

Это в некотором смысле инвалидность души. Это очень удобная позиция, которая отказывается требовать от душевных глубин того, что спрашивает время, чтобы в эпоху души сознательной вновь обрести то, что стремится к естествознанию, которое в самой природе зрит нечто сакральное, которое делает всю природу выражением божественно-духовного миропорядка.

В эпоху души сознательной человек может очень скоро развить возможность иметь не просто абстрактное, сухое естествознание, которое превращает всего человека в окаменелость, — естествознание, которое сегодня превозносится как спасение мира, — но науку, которая с благоговейным ощущением всех священных символов, рассеянных по всему миру Божеством, углубляется во все действия, дающие человеку радость, а также и во все, что дано человеку Божеством как испытание. Если человек будет снова в состоянии проводить сакрально свои лабораторные опыты на высшем уровне, сделать из операционного стола алтарь вместо плотницкой мастерской и прилавка мясника, тогда придет время, которое требуется божественной эволюцией для нашей души. Неудивительно поэтому, что в подобное время многое может быть неправильно понято, прежде всего неправильно понято благодаря наследию Академии Гондишапура, внесенным в естествознание, без всякого желания связать его с Мистерией Голгофы. Поэтому оно становится чисто ариманической наукой, отвечает всем ариманическим потребностям человечества, отвечает умонастроению, которое стремится упорядочить мир в соответствии только лишь с внешним. Можно сказать, что то, что является импульсом Мистерии Голгофы, должно восприниматься все вновь и вновь; мы должны горячо принять слова: «Я всегда с вами, вплоть до скончания века» — до того времени, когда все циклы Земли будут завершены. Эти слова нужно понять серьезно. Нужно, если мы хотим связать себя с Мистерией Голгофы, сохранять свежими наши души, чтобы мы могли принимать все новые импульсы, которые циклически, непрерывно притекают из духовного мира — именно время от времени стремятся приблизиться к нашим душам.

И снова верно то, что мы имеем естествознание, не имеющее никакого желания приблизиться к подобным влияниям, науку, просто желающую водворить своих ученых в лаборатории или госпитали, где работа — дело рутины. Так, мы знаем, что продолжают работы с **невидимыми излучениями** и никого не беспокоит, что этим освобождается в мире, испытываются вещества вроде **аспирина** или **ацетинал-фенацетина** и даются пациентам. Когда прописываются такие вещи одна за другой, говорится только о том, что очевидно физически, — и не находят нужным вызывать деятельность души. Такое умонастроение в основном произошло от импульсов Академии Гондишапура. Ибо если бы люди были проникнуты этими импульсами, то они могли бы сегодня сидеть на задней парте, не имея надобности делать что-нибудь более. Они были бы одарены через благодать всем, над чем иначе они должны были бы работать сами для развития души сознательной. Переведенная в физические термины эта позиция представляет внешнюю науку.

Другое умонастроение — это то, что было влито в мир Римом. Оно живет в самых разнообразных импульсах, происходящих не из Палестины, не от Мистерии Голгофы, но от Рима, и развивающихся в двух направлениях: кадить, чтобы развивать культ, который не требует разума, а лишь души ощущающей, и риторику, которая стремится лишь к формированию слов или к такому формированию человеческих поступков, которое само по себе в своих законах является, в сущности, риторическим. Обе эти стороны сохраняются. Ничто не может помочь обоим, только ясное понимание, что в будущем не может быть науки, лишенной духа; не борясь против науки, мы должны признавать ее ограниченность. Нет необходимости бороться против нее, так как, изучаемая точным, положительным путем, она предлагает великолепные и могущественные дары, и никто не имеет права говорить что-либо против науки, не будучи хорошо знаком с ее плодами. **Каждый, кто не знаком с наукой и резко ее критикует, — не прав; только тот, кто верит в нее, достаточно знаком с нею, углубился в нее и сделал ее методы своими, — только такое лицо приобретает право судить ее,**

отмечать ее границы и показывать, как сама наука может продвигаться вперед к духовному постижению мира.

Люди, враждебно настроенные, выискали среди всего прочего в моих сочинениях то, что я с уважением отзывался о Геккеле и о современном естествознании. С точки зрения духовной науки, которую я занимаю, я никогда не отважился бы высказывать порицающее суждение о естествознании, если бы я прежде не сделал всего для оценки его по достоинству. Ибо на почве позитивной духовной жизни право на негативную критику обретают, лишь если в состоянии указать, что то, против чего борются, достойно признания в пределах, в которых оно приемлемо. Я полагаю, что сумел приобрести полное право возвещать духовное развитие человечества, духовную эволюцию, в которой я показывал то, чему не учат внешние чувства, ибо я показывал также, какое значение для научной жизни имеют дарвинизм и геккелианство.

Можно требовать, чтобы слова, которые высказываются на основе духовной науки, принимались иначе, чем высказанные обычным образом. Поэтому я не хотел бы, чтобы все, что я сегодня высказывал в отношении католицизма или другого современного движения, было понято с точки зрения обычного филистерства и смешано с критикой, выдвигаемой против католицизма и подобных движений тем или иным обществом со свободомыслящими взглядами. Не имелось в виду ничего, кроме того, что было здесь высказано; не имелось в виду ничего, что не могло быть полностью оправдано с точки зрения духовнонаучных исследований. Исследования в области естествознания должны быть углублены так, чтобы постепенно они приводили к духовной жизни. То, что было сохранено от древних времен, что вышло из употребления — до некоторой степени правильно — в ходе человеческой жизни, — все это заново появляется по причинам, которые я упоминал, — потребности человека в священном и потребности его в выразительных формах. Видеть в формах письма Божества в мире, но понимать эти формы; не говорить в догматических терминах о Люцифере, Аримане и Христе, но иметь перед собой эту тройственность в художественной форме — вот в чем мы

нуждаемся.

Из этой мысли выйдет произведение, которое будет центральным творением нашего здания, — вырезанная из дерева группа Христа, Люцифера, Аримана; из этой мысли будет создано в формах, выражающих целое, то, что побудительно заложено в человеческом развитии, — но таким образом, что, глядя на формы, проникаешь в Дух. Созидание таких форм должно быть в основе нашего здания. Никто не имеет права принимать это здание в тривиальном смысле; оно должно быть понято в соответствии с важнейшими целями, возникающими в великих запросах нашего века и с нуждами века, в который вновь возникает, хотя и иным путем, приближение Мистерии Голгофы.

Подобно тому, как в наше время существует, я бы сказал, необходимый момент для того, чтобы снова обрести Христа, обрести Христа на более высоком уровне, существуют также и силы сопротивления Христу. Силы сопротивления Христу были, конечно, и прежде. Мы знаем: то, что намеревалась дать Академия Гондишапура, стремилось к тому, чтобы христианство вообще не появилось. То, что было основано Августом в Риме, стремилось основать, в сущности, нечто такое, что не имеет ничего общего с христианством. Позднее оно сделалось католичеством, ибо христианский импульс коснулся Рима. Преследования христиан при Нероне, гонения Диоклетиана на христиан — все это, что происходило, а также отрицание Римом *Аполлония Тианского*, все это произошло потому, что в Риме, насколько возможно, противились принятию христианства. Предполагалось совершенно искоренить его — но оно не позволило себя искоренить. Так получилось, что католицизм, приняв от христианства столько, сколько ему подходило, сделался католической церковью, которая и развилась в этом духе, ибо, как только приходит к человечеству новое откровение, ведущее к дальнейшему познанию Мистерии Голгофы, католическая церковь поворачивается не к нему, а от него.

Только подумайте, — мы постоянно должны смотреть в лицо этому факту, — когда Коперник, который сам был каноником собора, а значит,

истинным католиком, выдвинул свою теорию, католическая церковь осудила ее как еретическую. До 1827 года ортодоксальным католикам было запрещено принимать теорию Коперника; после этого времени им было разрешено верить в нее. Стало также возможным и для университетского профессора католической философии сказать: безусловно, католическая церковь осудила теорию Коперника и обошлась с Галилеем так, как это произошло. Но далее так думать не следует (так сказал профессор Мюльнер, католический философ, в своей вступительной речи как ректор Венского университета); следует сегодня говорить, что благодаря этим самым открытиям Коперника и Галилея, касающихся тайн внешней Вселенной, чудо Божественного всемогущества сделалось еще более очевидно чудом Божественного всемогущества. Это было сказано, безусловно, христианским путем, но если бы стали его критически судить по прежним стандартам, следовало бы рассматривать это, безусловно, как высказанное не римско-католическим путем. Католической церкви потребовалось достаточно много времени, подчинившись внешнему давлению, признать, что познание Космоса не приносит вреда христианству, но помогает его движению вперед. Сколько времени потребуется католической церкви, чтобы признать результаты духовной науки, — посмотрим и увидим; мы должны смириться с тем, что возможность такого следствия не наступит в нашем теперешнем воплощении. Это одна сторона вопроса, мои дорогие друзья.

Но легко могут возникнуть смешения одного с другим и недоразумения. Путаница и недоразумения, которые могут возникнуть, — это то, что в душах, в подсознании ныне действительно существует тяготение к переживанию таинств. Все человечество стремится ныне именно к более высокой ступени переживания таинств. Отсюда, само собой разумеется, католическая церковь использует это стремление человечества к своей выгоде. И так хочется достигнуть того, чтобы в теперешнем, к сожалению столь глубоко сонном состоянии человечества, люди — если они и не могут изменить положения во многих областях — хотя бы очнулись в отношении важных вещей, которые происходят в связи с тем, что

происходит. Конечно, нет надобности спрашивать: «Каким образом я, отдельный человек, изменю это?» — В некоторых случаях необходимо дать действовать времени, в некоторых вещах необходимо, чтобы действовать в правильной взаимосвязи. Нет надобности тотчас же требовать рецептов для всего, но надобно ясное сознание, чтобы уметь наблюдать вещи, с тем, чтобы, если от человека на его месте требуется нечто, он действительно также и узнал, что ему делать. Раньше всего мы должны понять, что большинство современных людей, полагающих, что они делают большую мыслительную работу, на самом деле спят когда только могут; они спят, когда они могут завоевать — хотя это очень трудно — истинное познание импульсов, действующих в человеческой эволюции. Но другие бодрствуют! И эти силы пользуются любой возможностью, любым каналом, с целью задержать развитие человеческой жизни для соответствия требованиям души сознательной и дать ей развиваться только в соответствии со своими собственными целями. Если бы только люди могли пробудиться к тому, что решается в этом направлении, если бы они только могли понять вещи, которые находятся совсем близко и судятся совсем с другой точки зрения, это могло бы иметь огромное значение для решения тех вопросов, которые возникают из хаоса современности и должны быть решены в ближайшем будущем. Поэтому признание тех фактов, о которых мы говорили вчера и сегодня, имеет очень большое значение. Мы не должны судить современный мир в соответствии с абстрактными принципами, так как тогда мы впадем в еще большую дремоту; мы должны ставить своей целью суждение с действительным знанием. Потому что то, что должно произойти в ближайшие годы, может быть принесено только теми, кто извлекает свои принципы, импульсы к действию из духовного познания мировой эволюции. И я должен сказать: нельзя, с одной стороны, позволить использовать здоровое, неподдельное, отрадное, живительное тяготение людских душ к таинствам для обновления старых культов. Его используют не для постижения Мистерии Голгофы, а для продолжения бездуховного символизма Рима, какой был введен во времена Августа и снова

выдвигается теперь Римом ради удовлетворения его интересов. Это одна сторона того, как можно подвергнуть человеческие души неверному пониманию, неверному пониманию области таинств, неверному пониманию культа, а также неверному пониманию в отношении риторики, в отношении жизни в понятиях, в словах, которые формулируют и которые поистине не проистекают из тех усилий, какие прилагал Демосфен в Греции, который набирал камешки в рот, поскольку был заикой, но стремился, тем не менее, передать грекам теплое и полное любви содержание своей души, — они проистекают из красноречия, которое люди с увлечением принимают, если они не могут полностью пробудиться в импульсах развития человечества.

Другая сторона идет от тех, кто клянется непродуманной наукой, кто отказывается принимать духовное, кто расценивает науку только как технологию, отбрасывая все, что может быть открыто в отношении духовного содержания мира через великие и могущественные феномены природы. Я однажды сказал, и это поистине было сказано не риторически, но из глубокого знания души: «До тех пор, пока наша физика, наша механика, вся внешняя наука не будет проникнута импульсом Христа, наука не достигнет своей цели». Не только история должна говорить о Мистерии Голгофы; люди также должны понять, что со времени Мистерии Голгофы природные феномены должны наблюдаться таким путем, чтобы было известно, что Христос на Земле, в то время как ранее Он на Земле не был. Истинно христианская наука не будет искать атомы и их законы, ни сохранение энергии и материи; она будет искать откровение Христа во всех феноменах природы и тем откроет людям их священный характер.

Из созерцания природы в этом свете выйдут чувства морали, социальные, религиозные и политические принципы в человеческой жизни, которые в действительности ответят на все запросы человеческой жизни. Если мы впитываем божественный элемент из природы, если мы впитываем силу Христа из познаний природы, тогда мы внесем в правила поведения, устанавливаемые для человечества, и во все, что должно стать примером, заботясь ли о бедных или в другой области социального

служения, — мы внесем христологию во все наши труды. Если мы не можем смотреть на окружающую нас природу как проникнутую Христом, если мы не способны открыть деятельность Христа во всем, что живет в человеческих поступках, даже в воздержании от поступков, тогда мы не будем в состоянии удовлетворять требованиям нашего времени и нашей моральной, социальной или политической жизни. Тогда бы мы остались, с одной стороны, при неуклюжем естествознании, которое является не чем иным, как непониманием сверхчувственного, или бы остались при голой риторике, которая является завещанием римского духа, призраком римского духа. И, говоря о давно понятых таинствах (*von dem missverstaneden Sakramentalisands*) и культуре, необходимо, с одной стороны, указывать на Рим, причем на теперешний Рим, на тот Рим, который сделался великим особенно благодаря умному папе — Льву XIII, а затем нужно также найти название тому, что указывает на ту самую пустую бессодержательность риторики, которую человек, действительно проникнутый антропософским постижением духовной жизни, должен сегодня распознать, — мы часто указывали на эту риторику. Теперь я должен остановиться на злободневных вопросах; я ведь делаю это обычно, лишь когда остальное по времени уже исчерпано.

Где мы находим ту риторику, которая, подобно римской проповеднической риторике иезуитства, противостоит одряхлевшему культу? Где найдем мы риторику, которая противостоит современной науке, которая жаждет духовности, риторику, которая угрожает своим современникам, потому что в своем сонном состоянии они поглощают нечто, что по внешним причинам, возможно, необходимо им? Должны ли люди, которые понимают эти вещи, оставаться внутренне поодаль, совершенно поодаль, от того, что распространяется по миру как чистая риторика? Это **вильсонизм! Вудро Вильсон** — вот имя, которое должно оставить след в этой жизни риторики, в связывании слов без содержания. Назовите это Лигой Наций, назовите это как хотите, все равно это барахтанье в чистой риторике. И это нечто, что человечество не должно проспять. Люди должны быть побуждены тем или иным путем быть

пробуждены тем, что я здесь подчеркиваю, — этот вильсонизм очень существенно противостоит истинному прогрессу человечества, и это может быть распознано в самой природе его риторики — идола на глиняных ногах.

Эти вещи, мои дорогие друзья, не могут быть выражены несколькими буржуазными, филистерскими идеями. То, что угрожает нашему времени с указанного направления и на что следует трезво смотреть, разбирая современные события, должно быть понято во всей его значительности. Мы не должны позволить миру быть вильсонизированным, потому что все спят. Пусть будут последователи Вильсона в Америке, в Европе или где-либо еще, но должны быть и люди, знающие о глубоком родстве, существующем между иезуитизмом с одной стороны и вильсонизмом — с другой. Эти люди должны перерасти филистерство нашего времени, они не должны формировать свое суждение на основе того, что приносит день, или даже годы, они должны уметь формировать свое суждение на основе того, что таят столетия и что столетия открывают нам, если мы в состоянии действительно и истинно, с самой внутренней, активной силой души взирать на тот холм, на котором стоял Крест Голгофы, символ всего того, что как откровение древних тайн влилось в человечество, но что всегда будет молодым и будет нести людям новые откровения, если люди не будут глухи к этим откровениям, если они не дадут Риму окутать себя, если они не дадут окутать себя ослепляющей риторикой, к которой они нынче столь склонны.